

ОЛЕГ ДИВОВ

ПРОФЕССИЯ: ИНКВИЗИТОР

**ЛЕДИ
НЕ ДВИЖЕТСЯ-2**

Профессия: инквизитор

Олег ДИВОВ

Леди не движется – 2

«ЭКСМО»

2013

Дивов О. И.

Леди не движется – 2 / О. И. Дивов — «ЭКСМО»,
2013 — (Профессия: инквизитор)

ISBN 978-5-699-67524-1

В уютном кресле межзвездного лайнера рейса «Танира – Эверест» так легко предаваться воспоминаниям. Только и воспоминания могут быть опасны. Прошлое Деллы Берг, девушки с большими проблемами и маленьким пистолетом, идет за ней по пятам вместе с опытным наемным убийцей. Задача на ближайшие дни ясна: спасти ключевого свидетеля и уцелеть самой. Но что дальше? Капитан тактической разведки, кавалер двух орденов, уволенный из армии с позором без права ношения формы и наград, чудом оставшийся в живых, скрывшийся под личиной скромного полицейского, а потом оказавшийся ассистентом инквизитора, все это – Делла Берг. Ее бывший муж – князь, ее нынешний босс – герцог, но работа Деллы – идти по следу преступника в одиночку, и если она сама превратится в мишень, никакие звездные принцы не успеют ее выручить. Так уже было. Так еще будет. Тем не менее следствие должно быть закончено.

ISBN 978-5-699-67524-1

© Дивов О. И., 2013

© ЭКСМО, 2013

Содержание

****	6
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олег Дивов

Леди не движется – 2

© Дивов О., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мой роман с Максом был коротким и поразительно ровным. Меня только что зачислили на первый курс Военного университета, я сама не верила такой удаче и словно на крыльях летала. Первый офицер в семье за последние триста лет! Я буду настоящим офицером и дослужусь самое малое до полковника. Я уже воображала, как на мне будет смотреться парадный китель полковника тактической разведки.

Занятия начинались в сентябре, но для желающих существовал так называемый летний кампус – проживание на территории университета, волонтерская работа в госпиталях или спасательных отрядах Мадрида. Как правило, в летнем кампусе жили только будущие первокурсники да конченные неудачники; тогда я не знала этого. Я решила, что если приеду к самому началу занятий, то не успею акклиматизироваться и влиться в коллектив. Последнее казалось особенно важным. Почему-то я была уверена, что весь мой будущий курс успеет уже подружиться к сентябрю, и я рискую стать чужой. Понятно, что потом я справлюсь, но зачем начинать с трудностей? Их и так будет предостаточно. И я, наивная простушка, после вступительных тестов, которые в Военном Университете проводились только очно, осталась в летнем кампусе. Там собралась от силы треть курса. Остальные, узнав о зачислении, сразу разъехались по домам или курортам – когда еще удастся отдохнуть? Может, через четыре года. А может, и через десять.

Коттеджи в кампусе были на двоих, дизайн и комфорт – казарменные, но я пришла в восторг. Мне сказали, что здесь теперь мое место на все время учебы, поэтому коттедж я мигом обиходила. Соседки у меня пока не было; она появится уже после начала занятий, переводом с географического, с понижением на два курса. Мелви Сатис по прозвищу Справочная... Но до этого еще предстояло дожить.

Формы нам не выдавали, мы – я и мои немногочисленные новые подруги – ходили в майках и джинсах. Утром работа в госпитале, вечером свободны. Все вечера мы проводили вместе. У нас было любимое место для посиделок – кафе «Ладья» у парка Победы. Мы занимали всю открытую веранду и трещали как сороки. А потом устраивали танцы. Нашими партнерами были ребята с первого или второго курса, ракетчики и атмосферные пилоты. Они соперничали между собой за право танцевать с будущими разведчицами. Я пользовалась успехом, несмотря на то что танцевать не умела и большую часть времени сидела за каким-нибудь столиком. И однажды самого пламенного моего поклонника оттеснил плечистый мужчина такой красоты, что дух захватывало. Сущий дьявол, мечта во плоти. Он был выше меня на голову, носил черные кудри ниже плеч и сверкал голубыми глазищами. И еще он был значительно старше нас.

– Макс, – представился он.

– Делла, – ответила я. – Ты выпускник или преподаватель?

– Выпускник. Приехал на встречу. Я часто здесь бываю – как президент союза выпускников Военного Университета.

– А что заканчивал?

– Космическое.

– О-о, – только и сказала я. – Джедай!

Это было, пожалуй, лишнее, но все первокурсники стараются показать старшим, что знают и уважают жаргон Четырех Университетов.

– А ты, значит, будущий хоббит. Угадал?

– Точно! – обрадовалась я. – А где служишь?

– Служил, – поправил Макс.

– А где служил? – не унималась я.

– В армии. Ты сама откуда?

– Арканзас. Дед переехал с Земли. А нам что? Мы все профессиональные военные, дома живем только до восемнадцати. Потом – контракт и ту-ту! – я засмеялась. – А чем сейчас занимаешься?

– Финансы.

– И как?

– На жизнь хватает. Прошвырнемся по парку? Здесь слишком шумно.

Конечно, я пошла. И целовалась с ним половину ночи на жесткой скамейке. Потом отправилась спать, а Макс оказался таким скромным, что не напросился в компанию – хотя тогда я жила в коттедже совсем одна. Утром девчонки рассказали мне про него все-все. Чуть позже я поняла, что это «все» по факту было ничем. Девчонки сказали, что это Берг, что у него традиция: каждое лето он склеивает самую хорошенькую из первокурсниц, на пару недель, не больше. Ставит звездочку на фюзеляж, ага. Лучше и не мечтать о любви – у него ледяное сердце. Так-то парень хороший, но убежденный холостяк. Я подумала и решила, что самое оно для меня. Потому что я пришла сюда учиться, а после учебы пойду служить, и пока не получу хотя бы майора, замуж – ни-ни. Зачем мне длительный и серьезный роман? А вот пару недель погулять перед учебой было бы неплохо. На самом деле Макс просто понравился мне, и я не видела причин отталкивать его.

Через два дня он позвал меня на уик-энд к приятелю в загородный дом. Там мы азартно стреляли по сорокам и наперегонки плавали в холодном озере. И в первую же ночь стали любовниками. В постели Макс был неподражаем – а мой предыдущий любовник, Дик Монро, несмотря на возраст был чрезвычайно искусным партнером, но Макс превзошел его без усилий.

Я трезво смотрела на вещи и не ждала сюрпризов от этого романа. Такой красавец, ах. Кумир джедаев и мечта всех девушек из Военного Университета. Признался, что на Земле в гостях. Он улетит, а я пойду учиться. Каждому свое. Через две недели я провожала его на космодром, а он злился, что я даже слезинки не уронила. Еще через две недели он внезапно вернулся и предложил пожениться. Это было так неожиданно. И так приятно. Я к тому моменту осознала, что насмерть влюбилась в него, ужасно скучала, и согласилась не раздумывая. На свадьбе я узнала его полную фамилию. Он – мою. Было ужасно неловко, потому что он потребовал перевода и семейную историю.

Конечно, я сказала, что мы – династия хоть и солдатская, но профессиональная и очень старая. Ведем родословную от легендарного неуловимого русского снайпера Слоника. Некоторые исследователи полагают, что его фамилию надо читать все-таки «Солоник», вот пусть они и читают, а мы лучше знаем. Но это устная часть нашей истории. А документированная начинается с космонавта Ивана Кузнецова, первого и пока что единственного офицера в роду. Тоже русского. Хотя официально по национальности я чешка, ну вот так получилось. Макс выслушал всю эту дребедень с непередаваемым видом, а потом небрежно сказал:

– Да, увлекательно.

И показал свое досье.

Я только рот раскрыла. Что же, я теперь получаюсь княгиней?! Макс ухмылялся. Ага, княгиня. Да еще и Сонно.

Я боялась всего – и особенно холодного приема, который просто обязана была оказать мне его семья. Не могла не оказать. Макс же князь, а я кто? Девчонка, которую он подцепил в дешевой кафешке. Однако я ошиблась. Семья была такой же бесшабашной, как Макс, на все глядела сквозь пальцы, и поначалу мне было страшно весело. Я даже поверила, что это надолго.

А потом наступило отрезвление. Как верно заметил доктор Моррис, Макс – замечательный человек. Добрый, тактичный, умный и сильный. Он даже не спросил, почему я не люблю свое полное имя. И называл меня Офелией, только когда хотел осадить или призвать к порядку. Но... он совершенно безумный. Он любил играть со смертью. Его тяга к саморазрушению

выматывала мне все нервы. И в конце концов я подала на развод. Гордый Макс не стал унижаться и отговаривать меня. Год после развода ему не давали пропуск на территорию факультета, и декан «тактиков» Кид Тернер принял все мыслимые предосторожности, чтобы исключить наши встречи. Потом «эмбарго» сняли, но Макс не стремился к сближению. Мы довольно часто виделись – у него были общественные дела в университете, – но разговаривали сдержанно. На третьем курсе он пришел в кампус и устроил мне дикую сцену ревности. С размахиванием холодным оружием и тяжелыми предметами. И из-за чего, спрашивается? Подумай, сходила на футбол в компании Сэнди Маккинби, а потом четыре часа болтала с ним на нашей вахте. Для Макса это, оказывается, невыносимо. Ну, что... Я позвала брата. Крис оприходовал Макса кухонным столом, тут подбежал и Сэнди Маккинби – верней было бы сказать, что он подлетел, запарковав машину на аллее возле коттеджа. Приземлился мастерски, ведь аллею рассчитывали так, что влететь на нее было затруднительно и практически невозможно – стартовать. Нарочно, чтобы к нам не залетали незваные гости пофлиртовать с юными разведчицами. А Сэнди сумел – и сесть, и взлететь, правда, едва не чиркнув стабилизатором по стене во время лихого разворота. Крис и Сэнди сдали Макса не полиции, а психиатру. Психиатр наконец нашел причину страданий Макса – опухоль. Потом Макса прооперировали, и он превратился в лапочку, белого и пушистого.

Но примирились мы не поэтому. Можно сказать, что нас подтолкнул друг к другу Сэнди. Я просто убедилась, что Макс – ревнивый козел, но не мерзавец. Ревность не провоцирует его на подлые поступки. И пусть Сэнди раздражал его уже тем, что смел болтать со мной, – когда стряслась беда, Макс пришел ему на выручку. Пусть ради меня. Но ведь пришел? Мы не вернулись к прежним любовным отношениям, но больше не были и врагами. У меня словно камень с души упал.

На выпускном, конечно, без Макса – никак. Его общественная должность, президента союза выпускников, обязывала. Обычно, учитывая княжеское достоинство и эффектную внешность, его просили вручить дипломы десяти лучшим. Я просто любовалась им. И ждала бала. Я наконец-то научилась танцевать хотя бы вальс и точно знала, что мы будем открывать бал. На мне сияла парадка с первыми в жизни офицерскими нашивками. Но я не ожидала...

– ...и последний, – интригуяюще сказал Макс залу, уже вручив девять дипломов. – В этом есть некая несправедливость. Принято вручать дипломы от меньшего к большему, и лучший из лучших в награждении стоит последним. Поэтому уточняю: я вручаю этот диплом с отличием выпускнику, набравшему самый высокий балл на квалификации из всех выпускников Военного университета в этом году. А как мне подсказывают – результат лучший не только в этом году. Итак, лучший из лучших, лучший за... не падайте!.. десять лет. За последние десять лет не было еще настолько талантливого и упорного курсанта, и нет сомнений, что университет будет гордиться им, потому что вот тут, под дипломом, уже лежит контракт. Этот выпускник не ищет легких путей и диплома для престижа. Он уходит в армию, на передовую, защищать нашу Родину и служить человечеству... Для меня особенная честь вручить этот диплом. Честно говоря, я горжусь этим человеком. Горжусь больше, чем своими достижениями, и я очень рад, что диплом он получит из моих рук... Офелия ван ден Берг!

Господи, я чуть не умерла на месте. Я не знала даже, что мне дали диплом с отличием! А тут – лучшая из лучших, да еще за целых десять лет... Зал взорвался воплями, и хоббиты старались больше других, потому что у нас не было лучших в выпуске лет двадцать. И терминаторы кричали, а джедаи ликовали так, словно я их выпускница...

– Я приготовил тебе маленький подарок, – прошептал Макс, – то, что ты любишь.

Я тонула в его бедовых глазах.

Мы открывали бал. Макс в парадной джедайской форме был красив как бог. Знакомые мужчины потом говорили мне, что я в своей парадке – а у «тактиков» она самая красивая, черная с серебром, – ничуть ему не уступала. И наш вальс, который я буквально на днях научи-

лась танцевать, был просто сказочным. Макс обрушил на меня всю свою харизму, а я с удовольствием поддалась его чарам. Прямо с бала мы прыгнули в его вертолет и на две недели спрятались от всего мира на небольшом озере, принадлежавшем кому-то из друзей. Мы жили у самой воды в палатке, ловили рыбу и коптили ее на костре, и эти две недели были чудесней, чем предыдущие несколько месяцев в браке.

А потом мы оба пошли служить. Да – оба. Макс сложил с себя общественные обязанности и взял армейский контракт на год. Мы попали в десятый округ, под начало генерала Лайона Маккинби – офицера-легенды. И родственника того самого Сэнди Маккинби... Мой любимый брат Крис два года отслужил под началом Маккинби и из его рук получил рекомендацию в университет. Теперь генерал с удовольствием, как он сказал, принял сестру того солдата, которого считал достойным молодым человеком. А я, конечно, старалась не уронить семейную репутацию.

Там я на практике освоила тонкости работы, которая и дала название всей профессии – тактической, или полевой, разведки. За первый серьезный бой, когда я вывела батальон терминаторов практически без потерь из-под шквального огня и обеспечила эффективное выполнение задачи, меня представили к награде – Малая Звезда. Генерал вручил мне орден, а потом позвал в кабинет и за закрытыми дверями отчитал, как маленькую. За то, что рисковала собой без острой необходимости. Он полагал, что моя задача – не вытаскивать пехоту, когда ее сбили с курса, а тренировать рядовых разведчиков и координировать их действия. Пускай они бегают, а я должна сидеть где положено. Я слишком дорого стою, чтобы лезть под огонь, даже если все у меня просчитано до мелочей. Рано или поздно я ошибусь, от этого никто не застрахован, но на ошибках учатся, а из могилы учиться затруднительно... Я расстроилась, но Макс объяснил: у генерала первая жена была хоббиткой. Погибла в бою на седьмом месяце брака. Теперь для него все молоденькие разведчицы – дочери, и за всех он боится. Я приняла к сведению и всерьез взялась за подготовку кадров. Тем не менее через три месяца я снова оказалась под огнем. Не собиралась: тут важнее были навыки чисто штабные, потому что требовалось не только направлять терминаторов, но и координировать взлом обороны с воздуха. Одним из штурмовых кораблей командовал Макс... И в головной роте убили разведчика. Я просто заняла его место, продолжая вести корабли, – нас и такому учили. Тогда я получила вторую Малую Звезду. Незадолго до окончания контракта я получила и повышение в звании – отныне я была капитаном.

Продолжать контракт у Маккинби я не стала, потому что пришло предложение из четвертого округа. О, это была моя мечта: нелегальная разведка за границей. Я согласилась сразу. Макс полетел со мной, но контракт брать не стал.

Год. Я прослужила в четвертом округе всего год. Но этот год стоил мне половины жизни. Командующий, в отличие от Маккинби, не требовал, чтобы я обучала кадры. Он использовал меня в хвост и в гриву, а я поначалу только радовалась. В контракте было пять миссий, по факту набралось шестнадцать. Я больше недели на базе не бывала. Через год почувствовала себя выжатой тряпкой, явно началось эмоциональное выгорание, то есть пора было как следует отдохнуть. Но я пошла еще раз. И провалилась. Нет, миссию выполнила, но меня раскрыли. Я бы и не выбралась, если бы мне не помог тот самый человек, которого я работала.

Перед этой миссией мы с Максом решили возродить наш брак – мы ведь стали старше и умнее, мы любим друг друга, у нас должно получиться. Но жизнь распорядилась по-своему. После миссии мне довелось пережить самые страшные месяцы. Я выкарабкалась, но... Но Макс остался в прошлом. И когда я увидела его – уже на Большом Йорке, – то поняла, что наши пути разошлись навсегда.

Меня больше не привлекал его авантюризм.

И то, что раньше я терпела ради любви, вылезло на первый план. Его придирки, его упреки, его диктат и его выходки.

Я ни капельки не солгала Йену Йоханссону, сказав, что Макс – одна из причин моего ухода из полиции. Не самая главная, но мне казалось, что без него я прожила бы депрессивные месяцы легче. Основная причина, разумеется, Август. Я уходила к нему в лучшую жизнь. Но и Макс сыграл свою роль. Возможно, если бы он не добил меня своей неуместной нотацией, я бы не решилась перешагнуть через свои сомнения. Но Макс добил.

В тот год он поселился на Большом Йорке и натурально не давал мне проходу. Своей репутацией стервы я на две трети обязана ему. В нашем отделе было слишком мало восторженных юнцов вроде Йена и слишком много битых жизнью, расчетливых прагматиков. Коллеги не простили мне, что я бросила такого мужчину. У полицейских, даже самых тупых, глаз наметанный. И пусть о том, что Макс – князь, знал только наш комиссар, все распознали в нем человека не просто богатого, а, что называется, «из хорошей семьи». Всеобъемлющий термин. И я пренебрегла им. Мужчины подозревали, что в лице Макса я презираю их всех, все их достижения, подвиги и заслуги, и вообще я, наверное, лесбиянка, только почему-то не признаюсь в этом. Ну а женщины... достаточно один раз увидеть Макса, чтобы понять, за что меня люто ненавидели женщины. Разумеется, я никому не говорила, что была замужем за князем. Но это ж Макс. Он познакомился с главной моей врагинею, Летти Фонкс, и взял ее в наперсницы. Он ведь хитрый.

И тут появился Август-Александр Пол Николас и еще двенадцать имен Маккинби. Буквально через час после начала работы я всем существом поняла, что с Августом у меня много общего. Того общего, каким я в себе гордилась. С Максом у меня тоже было много общего, только – другого. Я тоже люблю эпатаж и рискованные шутки, и жизнь с размахом, но меня это иссушает. А с Августом я отдыхала. Поэтому выдержать экскурсию по его коллекции было нетрудно. Три часа спустя я смотрела в его холодные серые глаза, которые больше не казались мне сонными, и думала, что привлекательная внешность шефа – достоинство. Мне ж смотреть на него, извините. Разве хорошо, когда от рожи начальника тошнит? На Августа смотреть приятно. И деньги он предлагает сказочные. А еще он чертовски умен, проницателен и умеет правильно давать распоряжения.

Макс даже словом меня не попрекнул, что я из-за новой работы отказалась от всех свиданий. У меня больше не было времени на личную жизнь. А он слишком горд, чтобы скандалить. Он просто завел шумную интрижку, потом вторую, третью... Потом с ним всюду появлялась Эмбер Мелроуз – впрочем, она не мешала ему время от времени флиртовать с кем-то еще. Я изредка читала о его похождениях в светских колонках, но с ним самим больше не виделась. Пару раз ловила себя на том, что скучаю. Но тут же у Августа появлялся новый клиент, я должна была лететь через половину Галактики, работа увлекала и не оставляла места для тоски. И я потихоньку свыклась с мыслью, что роман с Максом остался в прошлом.

Я думала обо всем этом, сидя в комфортном кресле лайнера «Танира – Эверест», рядом со следователем Йоханссоном, который уже и не скрывал, что влюблен в меня, и глядя в кудрявый черный затылок Максимилиана ван ден Берга в трех рядах впереди.

* * *

У моего босса нет чувства юмора. Совсем. Главное – помнить об этом каждую секунду. Тогда многое становится понятней.

А еще он всегда делает именно то, что говорит.

К своему стыду, я забыла и о первом, и о втором.

Я действительно чуть не взвыла, увидав Макса в салоне лайнера. Сказать ему, куда я отправляюсь, мог только Август. Поэтому я сидела и злилась: значит, Август так отвлекает Макса?! Такие вот меры он принял, чтобы Макс мне не мешал?!

Конечно, это могло быть совпадением. Я летела в крупнейший научный центр нашего штата. Восемь университетов с единым кампусом. Макс и университет – понятия очень даже совместимые. И не только в рамках нашей альма-матер, где он десять лет занимал пост президента союза выпускников, а по факту был главной фигурой всей общественной жизни Четырех Университетов. Но это вписывалось в его имидж плейбоя и эпатажника. А что не вписывалось – Макс входил в десятку лучших финансовых аналитиков государства. Большинство мужчин в деловых кругах знали его как ту еще акулу – с пуленепробиваемой шкурой и полным набором самозатачивающихся зубов. Макс славился абсолютной беспощадностью и быстротой реакции. Там, где другие разорялись, он неизменно выходил победителем. И нынешним своим благополучием семья Берг обязана вовсе не сокровищам предков, а финансовому чутью Макса. Ему было девятнадцать, он учился в Военном Университете, когда случайно узнал, что живет в долг. Тогда он начал искать практические решения, а ради теоретической базы поступил еще и в Бостонский финансовый. Успевал всюду, хотя нагрузки у студентов-джедаев огромные, и совмещать их с удаленным обучением премудростям фондового рынка почти нереально. Чего это стоило Максусу, подумать больно, но уж если Берг берется за дело, он идет до конца, не щадя себя. То-то остальные Берги так не любят браться за что-нибудь тяжелее стакана... Через пять лет Макс выплатил семейные долги до последнего гроша и вышел в прибыль. Когда мы с ним познакомились, он был уже богат. Он рисковал и ходил по лезвию. Но во всем этом не было адреналина. В делах Макс неизменно был хладнокровен и бесстрастен. Для эмоций он искал себе другие приключения. Однажды я попыталась разобраться в не самой сложной его многоходовке – и, к стыду своему, запуталась уже на четвертом этапе. А Макс держал в голове сотни комбинаций.

Наверное, одна я знала, каким унижением для него было услышать, что семья разорена. Другой бы запил. Собственно, если твоя фамилия ван ден Берг, отчего бы и не выпить с горя, раз нет повода выпить на радостях. Но Макс стал искать решение проблемы – и справился.

Теперь время от времени Макс читал лекции по своей гражданской специальности в каком-нибудь университете. И попечительские советы дрались между собой за право залучить его на курс. Ему случалось собирать на лекцию по десять тысяч человек, как на футбольный матч или концерт, и никто не уходил обиженным. Поэтому, конечно, могло оказаться, что Макс летел на Эверест по делу. И договорился о том давно.

Но я никогда не верила в совпадения.

И только в роскошном здании космопорта я увидела изящный замысел Августа целиком.

Макс притворялся, что не замечает меня. Изображал сюрприз. Он ни разу не посмотрел в мою сторону, хотя я абсолютно точно угодила в его поле зрения. Но, конечно, хитрая физиономия выдавала Макса с головой. Настолько, что занервничал Йоханссон.

– Делла, мне кажется, вон тот господин ведет себя подозрительно. Он слишком упорно смотрит куда угодно, только не в нашу сторону.

– Не беспокойся, – устало сказала я.

– Вы уверены?

– Да. Это мой бывший муж.

Йен на миг замолчал.

– Тот самый? Вы говорили, он аристократ.

– Не похож?

– Похож, но...

– Максимилиан ван ден Берг.

– Господи, – выдохнул Йен, – вы были замужем за этим чудовищем?! Он же разорил столько семей...

– Йен, не говори глупостей. Макс никого не разорял намеренно. Вот чем он никогда не занимался, так это рейдерством. Не он виноват, что люди суются играть на бирже, не умея.

И тем более он не виноват, что переиграл кого-то, кто рассчитывал облапошить его, да прогорел сам.

– Ходят слухи, что он ни разу не проигрывал. А такой успех нельзя объяснить одним везением или талантом.

– М-м... не знаю. Возможно, он проигрывал. Просто он умеет скрывать то, что ему невыгодно.

Макс начал медленное движение, оборачиваясь через правое плечо. По завершении его он должен был как бы случайно столкнуться со мной лицом к лицу. А я вдруг поняла, что в толпе встречающих слишком много прессы.

– Йен, – только и успела сказать я.

В зал влился второй поток – из частного сектора. Раздались приветственные крики, толпа репортеров ломанулась к новоприбывшим. Среди пассажиров мелькнула женская головка с вопиюще малиновыми волосами. И тут же на весь зал разнесся вопль:

– Макс! Чертов паскудник, кого я вижу!

Вопль покрыл шум в огромном зале, заглушив прочие звуки. Ну и голос. Высокий, с металлическим звоном, таким легко командовать даже в танковом сражении. Малиновая девушка, растолкав всех, с разбегу кинулась Максу на шею. Он побледнел так, будто сейчас умрет. Тут-то он и показал, что знает о моем присутствии, – очень аккуратно скосил глаза и посмотрел в мою сторону из-под ресниц. Я ответила злорадной ухмылкой.

Девушка вопила, вокруг нее сгуртовалась толпа, ярко вспыхнула подсветка профессиональных камер. А голос был слышен даже снаружи, я уверена. Уникальный голосище.

– Кто это? – спросила я у Йена.

– Нина Осси, – с восторгом ответил он. – Певица. Надо же, как повезло! Наверное, у нее тут концерты. Непременно надо попасть.

Макс стоял белый как мрамор. Такой подляны он никак не ждал. Девушка висела у него на шее, репортеры ликовали. Она уже сообщила им, что «лучшего любовника, чем этот ублюдок, у нее в жизни не было», предлагала Макс «зажечь как тогда», уверяла, что вдвоем они вскипятят эту сырую универскую кашу... Между делом я узнала, что она не собиралась сюда прилетать. У нее вообще было все плохо, но один добрый человек предложил ее агенту поставить Эверест на уши, а то здесь как-то скучно в последнее время, и все уладил, так что завтра доставят аппаратуру, а послезавтра – стадион, поклонники в истерике и так далее. Об Макса она, кажется, вытерлась уже вся, благо он не шевелился. Йен нервно хихикал.

Я обошла их по тылам. Зал был свободен. Я ни капельки не сомневалась, что этот «добрый человек», устроивший Нине Осси чудесную гастроль. Август, конечно. Придумал, чем отвлечь Макса.

Противоположности не только притягиваются – если глянуть со спины, то окажется, что они одинаковы. Абсолютная серьезность неотличима от чудовищного чувства юмора. Август просто решал конкретную задачу. А вышло так, что он поиздевался над Максом.

Ничего, в очередной раз встретятся на дуэли – и уладят вопрос. У них это просто.

Впереди стояла группа в строгих костюмах со значками колледжа Святого Валентина. Солидные господа с ужасом глядели на столпотворение в центре зала. Похоже, Макс действительно планировал лекции, и эти люди его встречали. А теперь они видели своего уважаемого лектора в дичайшей, невозможной ситуации. Необразованная вульгарная девка едва руку в штаны ему не запустила. Через минуту все окажется в новостях. Ну и как собирать аудиторию? Так и писать – господа студенты, эту лекцию для вас прочтет ублюдок Макс, звезда богемы?

За спиной раздался очередной вопль.

– Ты еще и князь?! Да обосраться мне на месте! Ахренеть! Мой парень – натуральный князь! Слышите, фотайте нас живее, пишите – Нина Осси со своим князем! Сукин ты сын, да я ж за тебя тогда замуж выйду! А хрен ли мне не стать княгиней, а?!

Вряд ли Макс упомянул свой титул, небось кто-то из толпы ляпнул.

Я сделала еще несколько шагов.

Да, конечно, он получил по заслугам. Нечего было путаться с кем попало.

– Но я же не могу его бросить? – спросила я Йена. – Его растерзают.

Он не успел ответить. Я развернулась и пошла назад. На ходу я влезала в самую свою великосветскую улыбку. Йен, кажется, понял, потому что в последний миг обогнал меня и расчистил путь. Я взяла Макса под руку – под свободную руку, на другом плече висела Нина Осси. Макс вздрогнул – он не заметил, как я подошла. Обернулся. В глазах было отчаяние. Я улыбнулась еще шире.

– Макс, твои студенты, я уверена, будут просто боготворить тебя. Ведь их любимая певица считает тебя лучшим другом. Но не забыл ли ты, что нас ждут?

Макс только положил ладонь на мою руку и сжал пальцы. Певичка уставилась на меня с подозрением.

– Офелия ван ден Берг, – назвалась я. – Очень рада встрече. Честно говоря, когда Макс обещал мне сюрприз, меньше всего я могла предположить, что он имеет в виду ваш концерт. Мой коллега, – я показала на Йена, – ваш горячий поклонник. Разумеется, мы будем на концерте. Не так уж часто в нашем штате случаются события такого масштаба. Что вы думаете о вечеринке после представления? Для небольшого круга, только свои, все очень демократично...

– Значит, Офелия, – опомнилась девица. – Ван ден Берг. Очень, очень приятно. Скажите, вы тоже в восторге от его пениса?

– Знаете, что меня всегда восхищало в характере Макса? Он совершенно лишен этого мерзкого зазнайства и спеси. Он дружит с самыми разными людьми и не кичится своим титулом и богатством. Всегда как будто равный. Мало кто так умеет, не правда ли? Он ценит в людях талант и душу, а все остальное не имеет значения. Что ж, Нина, была очень рада встрече. Мы не будем вам мешать, ведь пресса – это часть вашей работы, с нашей стороны в высшей степени некрасиво оттягивать внимание на себя. Мы, пожалуй, пойдем. Не забудьте про вечеринку!

Макс с приклеенной улыбкой и на деревянных ногах пошел за мной. Девица Нина затейливо выругалась. Пара настырных репортеров увязалась за нами, я помахала им рукой и даже придержала Макса для удачного снимка.

– Я убью его, – прошипел Макс, когда рядом не осталось посторонних.

– Кого? – невинным тоном осведомилась я.

– Маккинби! Это его интриги...

– Милый, Август подсунул тебе свою бывшую любовницу или все-таки твою? В том, что произошло, тебе следует винить только себя. Это ты с ней спутался, а не Август. Вот и плати теперь за грехи.

– А ты, выходит, знала.

– Нет. Но разве так сложно догадаться? И возьми себя в руки – кажется, эти господа тебя встречают.

Умение притворяться, базовый навык любого аристократа, оказалось как нельзя более кстати. Макс сделал вид, что так и было задумано. Ну а чего с него взять, он известный эпатажник, а тут еще и девица потеряла чувство меры, заигралась. Впрочем, если кто-то полагает, будто лектору противопоказана репутация повесы, – лектор не навязывает свое общество, ему есть чем заняться.

Оправдываться, конечно, не потребовалось. Макса встречали очень приличные люди. А приличные люди, видя чужой позор, стараются вовремя отвернуться.

В салоне университетского автобуса Макс вздохнул и сообщил:

– Теперь ты, как порядочная женщина, должна стать моей женой.

– Милый, я могу появиться с тобой в обществе два-три раза и без обручального кольца.

– Если бы ты меня не бросила...

– В твоих ошибках всегда виноват кто-то другой. То Август, то я. И я была бы тебе крайне признательна, если бы по приезде ты добыл нам с Йеном машину – нам забронировали номера в другом отеле. Мы с удовольствием проводим тебя, но вообще-то мы не отдыхать приехали.

– А зачем?

– Ну как ты думаешь, зачем я куда-то поехала в компании самого талантливого молодого следователя Таниры?

– Вот оно что.

– Именно. И постарайся не привлекать к нам внимание прессы – ты теперь, скажи спасибо своей Нине, звезда молодежной культуры.

– Ну ясно, – процедил Макс и отвернулся к окну.

Больше он не проронил ни слова, до той минуты, пока за нами не пришло такси. Лишь тогда он совершенно равнодушно напомнил:

– Ты обещала этой дуре пойти на концерт. И устроить вечеринку.

– О, с удовольствием. Когда будешь бронировать места, не забудь про Йена. Он действительно ее поклонник.

Билеты я получила тем же вечером. На себя и на Йена. А еще в конверте лежали два именных приглашения на лекции Максимилиана ван ден Берга в колледже Святого Валентина.

Как это мило с его стороны. Можно подумать, я сюда от скуки прилетела, не знала чем заняться, и тут – такой подарочек.

Ровно через десять минут явился Макс собственной персоной.

* * *

– Так, где твой... этот? Дел, как его зовут?

– Йен Йоханссон, и он не мой, а полицейский.

– Не важно. Бери его и поехали.

– Куда?

– Ужинать.

– Макс, – очень строго сказала я, – ты...

– Парень, по которому ты работаешь, учился в колледже Святого Валентина. Я поговорил кое с кем. Есть сложности. Поэтому мы идем ужинать.

– Не вижу логики.

– Ты, я, твой Йен и эта клуша Нина.

– Ну спасибо.

– Она кумир той тусовки, в которую входил твой труп.

– Мой труп пока при мне и никуда не ходил.

– Надо же нам извлечь хоть какую-то выгоду из интриг твоего босса.

Я вздохнула.

– Форма одежды? Демократично?

Макс выразительно оглядел себя. Выглядел он, как обычно, на миллион.

– По-твоему, это демократично?

– Тогда пусть твоя шалава пеняет на себя.

– Ты отстала от жизни, моя дорогая. Нина Осси сейчас – номер один. И ее приглашают в такие места, где ты отродясь не бывала. Хотя если бы ты не была такой дурой и не закатила истерику с разводом...

– Еще одно слово – и я никуда не пойду. А с твоей шалавой номер один я могу познакомиться и без твоей помощи. Ей очень важно знать мое мнение о твоём пенисе.

– Пф, – бросил Макс, – чтобы составить мнение, нужно иметь достаточно материала для сравнения. А у тебя опыта-то кот наплакал.

Я подчеркнуто высокомерно вскинула бровь:

– Может, ты считаешь, что взял меня девственницей? Тогда, милый, это у тебя опыта не было.

– Да было у тебя разок в школе, я помню, ты рассказывала. – Макс едва не лопался от типичного мужского самодовольства. – Это не опыт.

Я снова промолчала, что у меня был очень умелый любовник до него. В любом случае спор бессмысленный, – что бы я ни сказала, у Макса готов ответ: раз до сих пор спишь со мной, то я лучший, а остальные не стоят даже упоминаний.

– Зато теоретическая подготовка будь здоров, – все-таки огрызнулась я и пошла выбирать, что надеть.

Макс хохотнул за моей спиной. Вот ведь странно устроены мужчины: он оконфузился, я его вытащила, а этот, вместо того чтобы устыдиться, раздувается от гордости – как будто он меня спас, а не наоборот.

Ничего особенно праздничного у меня с собой не было, поэтому я выбрала традиционный вариант – терракотовое платье-футляр до середины бедра и густо-серое болеро. И нарядно, и не напрягает. Макс увидел, скроил такую мину, словно я в драные джинсы влезла.

– А где то серебряное платье, в котором ты была на ужине? На Сонно? Очень тебе идет.

– На Кангу, – пробормотала я, выбирая туфли. – Вместе со всем остальным. Мне не до багажа было, когда я улетала.

– Не понимаю, что за срочность такая была. Подождала бы день, улетела бы на моей яхте.

– Макс, – я вздохнула, – для тебя это забава. А для меня – работа. Тебе кажется, это такая романтическая игра в опасности и рискованные приключения. И ты, так и быть, подыгрываешь мне. Аристократически снисходишь до моих грубых развлечений. А что, почему бы не пошалить. Только ты в любой момент можешь все бросить и вернуться к своим достойным занятиям. Дело твое, имеешь право. Но ты почему-то считаешь, что для меня это тоже всего лишь игра! Что у меня есть задачи поважнее, например, развлекать тебя...

– Дел, у тебя действительно есть задачи поважнее, чем твоя так называемая работа, – перебил Макс. – Начистоту? С твоей работой вполне может справиться любой опытный оперативник. Тут не нужны ни твои профессиональные таланты, ни твоя квалификация. Заметь – я не отрицаю, что они у тебя есть, и значительные. Но на этой работе ты никак их не используешь. Для тебя все, что может поручить Маккинби, – детские шалости. Видала ты миссии и посложней. Главная трудность – это потрафить прихотям Маккинби. Он до хрена говорит об исключении личных эмоций из рабочих отношений, только сотрудников он всегда подбирал исходя именно из эмоционального впечатления. Не спорь. С ним пыталась работать Ада Корниш. Твоя сокурсница. На уровне инквизиторских задач ее квалификации хватало с избытком. Но Маккинби ее выгнал. С ним работал Майкл Ежин, едва ли не лучший оперативник Большого Йорка. Ни одного нарекания по работе – и Маккинби тоже не смог придаться к нему. Но к себе не взял.

– Ты не все знаешь. Извини, я-то с Ежином в одном зале сидела. Майклу тогда оставалось дослужить три года. Ты думаешь, он променял бы гарантированную федеральную пенсию на хорошие деньги, но без пенсии? При этом Август регулярно привлекает его. До сих пор. И есть у меня подозрение, что, когда Ежин уволится, он не станет беспечным дядей-пенсионером, потому что Август возьмет его к себе. Оперативником под мое начало.

– Неважно. В любом случае я наверняка знаю, почему Маккинби выбрал тебя.

– Ты неправильно формулируешь. Правильно будет «я выдумал», а не «я знаю».

– В данном случае, дорогая, я именно знаю. Конкретно от него. Ничего выдумывать не надо, двойного толкования там быть не может. Причина тебе покажется нелогичной и неожиданной. К твоей работе она не имеет никакого отношения.

– Ну и какая?

– Поди и сама спроси. С чего это я должен выдавать тебе чужие личные секреты? Ты же не докладываешь мне секреты Эмбер, например.

Я скептически покачала головой. Макс знает Августа существенно хуже меня. Ему невдомек, что этому парню важны чрезвычайно тонкие нюансы вроде тембра голоса сотрудника или привычки к определенной цветовой гамме. У меня была масса преимуществ перед другими претендентами. Я легко адаптируюсь к любым требованиям, я пластична и могу работать в любом образе, я служу отличным фоном для рассуждений Августа, подбрасывая глупые реплики именно так, как его не раздражает. А еще я не лезу к нему в штаны. Ада Корниш, ха. Ада вообще-то мечтала замуж за него выйти. Со второго курса мечтала, вслух и смачно. И работу восприняла как первый этап строительства семейного гнездышка по ее вкусу. Не знал об этом, наверное, только Макс.

Конечно, Август опирался на эмоциональные впечатления. Главное из них – хочет человек работать или готов притворяться работающим ради других целей.

– Для тебя твоя «работа» – это тоже игра. Только по-детски серьезная. Это твой способ самоутвердиться, не более того. Осознать себя личностью и независимой. Как только осознание произойдет, у тебя мигом изменятся цели, – продолжал Макс. – Все люди развиваются одинаково. Думаешь, я в твоём возрасте был другим? Я тебе больше скажу: и Маккинби такой же. Он вообще туго растёт, как дуб, ему спешить некуда. То, что с другими происходит в двадцать пять, ему только предстоит узнать в сорок. Для него инквизиторство – тоже игра. Притом что его талант никто не оспаривает. Но через несколько лет он займётся тем, для чего и появился на свет. Я давно его знаю и давно за ним слежу. В колледже он жил только профессией. А сейчас, смотрю, и обществом не брезгует, и положенную по статусу нагрузку несёт охотно. И в бизнесе обороты набирает. Пять лет назад он в управлении колонией смыслил столько же, сколько твой Йен, если не меньше. Вся работа лежала на управляющем да на родителях Маккинби, которые пасли управляющего. А последний его сенатский отчет я слушал – это говорил уже не парень, которому дали документ для заучивания наизусть. Он все, о чем говорил, видел, потрогал руками, изучил и даже родил пару идей по улучшению. Грамотных идей, между прочим. Он занялся инвестициями, и довольно успешно. Понятно, пока под чутким руководством дедушки, но все же занялся? Нашел какой-то интерес для себя? Он меняется, Делла. А вместе с ним изменится и твоя жизнь. Я это вижу наперед и не считаю нужным притворяться, будто верю в вечность твоих карьерных успехов. Это преходящее. А настоящее – ты захочешь того же, чего хотят все женщины. Семью, детей. Это женское призвание.

Я наконец решила, что оливково-зеленые туфельки на скромном, зато изящном и устойчивом каблучке отлично подойдут. Влезла в них, чуть покачалась с мыска на пятку – да, содрала движение у Августа, а мне оно помогало понять, нравится ли обувь именно сегодня. И неожиданно с тоской подумала: черт, надо было ехать с Августом в Пиблс. Потому что за несколько дней моего гостевания на Сонно Макс залечил раны, нанесенные его самолюбием, и принялся калечить мое. Ничего в самом деле не изменилось бы, если бы я улетела на Землю. Август ведь уже знал, что убит Бернارد, а не Адам. Меня не обстреляли бы или обстреляли бы позже, при очередном визите к Крюгеру. В общем, мир не пошел бы по другому пути, если бы я поехала в Пиблс.

Зато Макс держался бы несравненно скромнее. Он всегда тише воды ниже травы, если считает свои шансы невеликими. Положим, на деле у него не было шансов вообще, но он-то этого не знал. А я не хотела говорить. Потому что не обязана. Это довольно унижительно – объяснять мужчине, что ты бесплодна. «Прости, милый, но я урод». И наплевать, что, будь

он рядом в нужный момент, ничего не случилось бы... или если бы спохватился сразу. Его не было, и он не спохватился. Он вообще завалился ко мне на работу спустя восемь месяцев после расставания как ни в чем не бывало. Даже не спросил «где ты шлялась, дорогая». Наверное, я ждала от него чего-то другого. Может быть. Хотя в действительности я все решила много раньше.

Но все-таки надо было ехать в Пиблс. Плюнуть на того мерзавца и ехать. Август знает почти все, ему не надо объяснять. Он и так сообразил, что делать.

На этом-то этапе меня и осенило. Я состроила похоронную мордашку и очень спокойно посмотрела на Макса:

– Макс, ты забыл историю с Энстоном?

Такого подлого удара с моей стороны он не ждал. Хотя какая тут подлость? Меня изувечили, а он и не почесался сквитаться с мерзавцем. Это вроде как мое личное дело, он не обязан вмешиваться. Да и что он знает? А должен был знать все, раз такой в меня влюбленный.

– Нет, – хладнокровно ответил Макс. – Время не пришло.

– Оно и не придет, – парировала я. – Ты вообще не задумывался, почему я пошла работать чуть не девочкой на побегушках в драное полицейское управление на драном Большом Йорке?

– Не нужно тебе вообще работать...

– Идиот! – наигранно-зло выкрикнула я. – Голову включи! Мне Энстон кислород перекрыл! Вообще везде! Я не смогла ни второй раз в колледж поступить, ни устроиться куда попримичней! И ты готов к тому, что мы поженимся, ага, а Энстон задушит всю твою родню финансово, а твоим друзьям расскажет, чем я, по его мнению, занималась за кордоном?! Он же типа командующий, ему-то известно!

– Он не посмеет, – уверенно сказал Макс.

– Еще как посмеет. Если б он тебя не то что боялся, а хотя бы за человека держал, – он и пальцем ко мне не прикоснулся бы. Не лсти себе, Макс. В глазах таких вот уродов ты – шут гороховый.

– Ну да, а Маккинби, конечно, серьезный человек, – язвительно отозвался Макс. – Со своими детскими играми в справедливую инквизицию и красными машинками.

– А вот его Энстон боится. Не потому даже, что Август выбросил его в окно со второго этажа. Потому, что Август играет в справедливую инквизицию. Как ты думаешь, сколько ему на самом деле известно про Энстона? Вот и Энстон не знает. Потому больше и не суется. Август – единственный человек, способный реально обеспечить мою безопасность. Ты, прости, не можешь. Ну вот что ты сделаешь, если твоим друзьям клеветы Энстона нашепчут всякие гадости? Что ты сделаешь, если очередной дальний родственник на ужине надерется хуже левретки и заорет, показывая на меня пальцем: «Шлюха, с диссидой трахалась, мне Энстон сказал!» Ты ж ничего не сможешь сделать. Будешь держать меня дома взаперти, на светские рауты ходить один и уклончиво говорить, мол, жена так занята детьми, так занята детьми. А если Энстон проведает, что ты в припадке бешенства любишь ножом размахивать? Тогда никакой гарантии, что меня не найдут в саду с твоим ножом в груди. И все поверят, что это твоих рук дело. Пусть тебя оправдает суд – все равно никто не поверит, что ты не откупился.

– Но ты же не спала с диссидой... – буркнул Макс. – Не твой уровень.

– Нет. У меня были другие задачи. А Энстон скажет – да. Доказательств никаких. Слово против слова. Слово принца, командующего – против слова арканзасской пастушки. Кому поверят?

Макс болезненно поморщился:

– Да он забыл давно о твоём существовании.

– Ты на это и надеешься? Что он забыл, я по-бабьи проглочу обиду, а ты будешь жить по-прежнему. Так?

– Да, я надеюсь, что он забыл! – рявкнул Макс, багровея. – Потому что я не забыл! И я достану его, как только он потеряет осторожность! Мне тоже есть что сказать ему, до хрена чего есть!

– Тогда остынь. И подожди еще, – ядовито усмехнулась. – Ничего он не забыл. Тебя не удивило, что Август поехал в Пиблс без меня?

– А с какой стати он должен был ехать с тобой?

– Ну да. Ты решил, что он признал твои несуществующие права на меня и, конечно, благородно слился. Поэтому вопросов ты не задавал.

– Насколько я понял, он не хотел тебя приглашать. Его семья, знаешь ли, и вполнину не так терпима, как моя.

Я не стала говорить, что попала в список тех девушек, которым глава клана Скотт Маккинби Старший устроил смотрины. Во-первых, урок я получила неприятный, а во-вторых, зачем? Ну зачем Максу это знать? Чтобы у него появился лишний повод для ревности?

– Я персонал, Макс. Личный персонал, причем доверенный. И в этом качестве я удовлетворяю всем самым взыскательным требованиям клана Маккинби. Там ждали, что Август прилетит со мной. Я там более желанный гость, чем ты со всей своей княжеской спесью.

– Ну щаз. Меня звали. Но я как глянул на список гостей, как увидел там Джил Фергюсон – так Скотту откровенно и написал: или я, или она. Поскольку ее пригласила жена Скотта, с которой он вроде бы помирился, выбор очевиден.

Джил Фергюсон, мысленно отметила я, но заострять внимание на ней не стала.

– Больше ни на что ты в этом списке внимания не обратил?

– Нет, – удивился Макс. – А что, там люди проверенные, ну, максимум лично мне кто-то неприятен...

– Там был клеветр Энстона. Приличный, респектабельный человек. О том, что он по требованию дает любые ложные показания в пользу Энстона, знаю я. Знает Август. Он отлично понимал, что я откажусь поехать – только из-за этого человека. Как оно, собственно, и вышло.

– А он тебя все-таки звал? – прищурился Макс.

– Конечно. Он не ты, не считает, будто лучше меня знает, что для меня хорошо. Человечек приезжал на разведку, разнюхать, как я живу и чем дышу, нельзя ли чего напортить. Не учел, что Август тоже ничего не забыл. Разошлись на том, что человечек срочно уехал по неотложному делу, пообещав никогда больше не появляться в Шотландии.

– Так, – решительно сказал Макс, – пора мне поговорить с Маккинби.

– На предмет?

– Вот об этом тебе точно лучше не знать.

– Уверен?

Макс задумался, потом по-детски вскинул брови:

– Нет, ну если попутно подвернется случай тебе красиво выступить, я скажу, конечно. Но только если подвернется. – И он обворожительно улыбнулся. – Ладно, разговор не закончен, а отложен. Мы к нему еще вернемся. Попозже. Заодно я дожму мать, что ли, задолбало меня ее пьянство... Мне скоро не тебя придется запирать, а ее. И вот еще что, Дел: я быстрее застрелю Энстона, чем стану стесняться тебя. Откровенно? Я перед отлетом разузнал, как дело продвигается. Наслушался про этого вашего убийцу, Даймона. Зря мужик себя расходует. Мне бы он пригодился.

– Ты спятил?! Ты заплатил бы ему за убийство?!

– На счет раз, дорогая. За очень сложное, требующее настоящей квалификации убийство. Думаю, Даймон согласился бы. Это же профессиональный вызов. Я убил бы Энстона сам, мне это проще, но, видишь ли, он не тот человек, за которого я хотел бы оказаться в тюрьме. А Даймону я бы потом еще и убежище обеспечил. Отличная колония, с прекрасной биосфе-

рой, пятый радиус. Туда государство придет по-настоящему, когда у Даймона уже внуки составятся. Живи не хочу.

– Не вздумай, – сказала я не очень уверенно.

– Да нет, конечно, – согласился Макс. – Даймон уже отработанный материал. Не в том дело, что он староват для задачи или у него на хвосте вся полиция штата висит, а теперь сядут и федералы. Чепуха. Важно, что он позволил себе эмоции. Он пошел вразнос. А для диверсанта это – однозначный конец. Даймон уже мертв, только сам еще этого не знает.

Глупо спорить. Уж в чем, в чем, а в войне, оружии и психологии военных Макс разбирался.

Я позвонила Йену, предложила выходить к лифту, там и встретимся. Йен попросил двадцать минут отсрочки: он после перелета лег подремать, уснул всерьез и был не готов к встрече. Я засмеялась и сказала, что тогда пусть заходит в мой номер.

Макс деловито залез в бар, бормоча «а чего мы насухую-то ждать будем, все равно весь вечер пить, да и вообще у тебя таблетки есть, о, надо же, впервые вижу в гостиничном баре приличный виски, им-то мы и разомнемся...» Принес в гостиную два бокала, лед, местную минеральную воду и бутылку. Умело разлил, подал мне:

– Чин-чин, дорогая.

И сел напротив меня. Я невольно отметила, как красиво каждое его движение. Все-таки двадцать шесть поколений аристократических предков дают о себе знать. Даже если они пираты и психопаты.

– Макс, неожиданный вопрос. Сразу предупреждаю, на карьере не скажется никак, этим направлением занимается Август, так что у меня не выйдет с твоей помощью поразить его эрудицией и дедукцией. Это если ты еще знаешь...

– Давай, – перебил Макс.

– Ситуация: некий человек несколько лет назад пытался купить два корабля. Каких именно, неизвестно, но подразумевается, что грузовых и не новых. Сделка сорвалась. Проверка аукционов за пять лет не дала результатов. Этот человек не регистрировался как участник либо регистрировался, но сходил с дистанции, едва ставки вырастали на десять процентов. Насколько я понимаю, для него цена была критичным фактором. Он хотел заплатить не больше двухсот тысяч хардов. Проверка фирм-посредников и частных продавцов тоже ничего не дала: такой человек у них консультировался, но о сделке речь не заходила. Не так давно этот человек приобрел тренажер для пилотов «Дельфина». И есть подозрение, что те два корабля – «Дельфины», по какой-то причине незарегистрированные. Август пошел искать их следы в городском архиве – по-моему, более странного места не выдумать. Что скажешь?

Макс медленно допил виски, вкусно закурил. На потолке замигала красная рамка, запахнулась во всю ширь, проступили буквы «здесь курить нельзя». Макс меланхолично поморгал и принес себе блюдечко под пепельницу.

– Если тебя вздумают оштрафовать, – он показал тлеющей сигаретой в потолок, – скажи, чтобы счет прислали на мое имя. Могут даже позвонить предварительно, я ли курил. – Плеснул себе еще виски. – «Дельфины», говоришь... Это личные корабли. Смотри, как все было. Человек купил себе под поместье голый кусок земли. Танира тогда была, мягко говоря, не курорт. Всех удобств – кое-как поставленный космодром, причем в горах, да разбитая трасса вдоль моря. Поэтому все, что нужно для поместья, начиная со строительной техники и заканчивая коврами в дом, он завозил своими кораблями. Потом два корабля оставил в поместье. А что? Не на космодроме же их держать, там гадючник, и не на орбите. Поставил ангар, может быть, даже стартовый стол оборудовал. «Дельфины», конечно, бескосмодромники, но, во-первых, стол еще никому не мешал, а во-вторых, после двух-трех стартов-посадок на одно и то же место площадка под стол там образуется сама. Спустя несколько лет ввели новые экологические нормы, а владелец не успел или не смог убрать корабли с планеты. Так они и остались в

поместье мертвым грузом. Ну или спецсредством на случай срочной эвакуации. Избавиться от них – никак. Потому что штрафы за старт с места – астрономические, корабли из всех документов имеют только паспорт изготовителя – они же после введения новых норм не были переоформлены, для этого их надо доставить на станцию, а доставить нереально. Допуска к полетам на них нет, техбилета нет, страховки нет, то есть существуют они фактически на правах мебели. Они не зарегистрированы как действующее транспортное средство. Утилизировать их тоже нельзя, потому что для этого надо вывезти с места хранения. И более того: хранятся они нелегально. Иначе бы они числились в базах экологов, которые обязаны проверять условия стоянки кораблей. Вот такие «Дельфины» и хотел купить твой клиент. Но, сколько я понимаю, ему предложили забрать корабли самовывозом, а транспортировка там дороже кораблей выйдет. Сделка не состоялась. А Маккинби прав, конечно. Если эти корабли где и искать, так только в архивах. В архивах заселения Таниры.

Я постучала себя пальцем по губам. Отвратительная привычка, подцепленная у Августа. Я вообще содрала у него массу лишних привычек.

– Йену не говори, – попросила я. – Даже не намекай. Это наша находка, потом решим, что с ней делать.

– С чего бы я стал откровенничать с полицейским? – Макс ухмыльнулся.

– А ну-ка, дуриком... – я запустила поиск по штату, нашла фамилию Ахири и разочарованно вздохнула: – Не вышло.

– Что?

– Да я подумала... Есть у нас подозрительные фигуранты, и имущественный статус подходящий... Нет, увы, это семейство владеет поместьем всего двадцать пять лет, раньше никакой недвижимости на Танире не было, а нормы изменились семьдесят шесть лет назад.

– Это еще ни о чем не говорит. Ладно, когда найдете корабли – дайте мне код владельца.

– Зачем?

– Куплю, – Макс пожал плечами. – Если они и вправду в хорошем состоянии.

– И как ты будешь вывозить их?

– Обыкновенно. Если условия позволяют, стартую с места, фиг с ним, со штрафом. Если не позволяют – ну, подгоню буксир, оттащу на космодром. «Дельфины» маленькие, это вам не «Оушен» и даже не «Пионер»... Тут главное, чтобы транспортная инспекция не успела вмешаться, ее надо ставить перед фактом: не было кораблей – вот корабли, оформляйте, а если чего сделано не по правилам, ну я виноват, наказывайте... Скажешь Маккинби, что у меня интерес есть?

– Да зачем они тебе?

Макс засмеялся:

– Чтобы были! Зачем Маккинби красные машинки, на которых даже ездить нельзя? Вот и мне затем. А может, и использую как-нибудь, «Дельфины» легко переоборудуются, а движки у них вечные. На экологические нормы мне положить с прибором, в крайнем случае на орбите отстойник выделю...

В дверь деликатно постучали. Вошел Йен, еще с влажной после душа головой. Макс критически оглядел его: типичный следователь в приличном строгом костюме.

– Йен, возьми на кухне бокал.

– Зачем? – удивился тот. – Я и так вас задержал.

– Затем, что тебе надо просохнуть, – сказал Макс. – На улице не май месяц, и ветра здесь такие, что мама не горюй. Это Эверест, а не Танира.

– Кстати, по местному календарю как раз конец весны, – меланхолично уточнила я.

– В любом случае нам лететь триста километров, – продолжал Макс, – и от десяти минут, даже получаса уже ничего не изменится. Нина сама, во-первых, опоздает, а во-вторых, придет

пьяная. Она мне звонила уже поддатая. Мы появимся как раз вовремя, чтобы она захотела общения.

– О, – только и сказал Йен и сходил за бокалом. – Главное – нам самим не опьянеть.

– Ни в коем случае, – сказал Макс. – Как можно! Это попросту неприлично. Я, например, ни разу в жизни не был пьяным – верно, Дел?

Господи, каков нахал. Но в кораблях он понимает, этого не отнять. Надо будет сказать Августу, когда найдем «Дельфины», что Макс заслужил, как минимум, код владельца. Как максимум – с благодарностью.

Большого не заслужил, к сожалению.

* * *

Через пятнадцать минут Макс решил, что мы в кондиции. Из номера заказал еще бутылку виски в такси – чтобы не скучно было лететь. Мы спустились вниз, пересекли крытую зону для наземного такси и личных автомобилей и вышли на площадку для воздушных аппаратов. В дальнем углу под прозрачными навесами спали три разномастных вертолетики. Нас ждала четырехмоторная амфибия – похоже, ничего дороже попросту не нашлось.

Салон оказался комфортным, на шесть-восемь пассажиров, со стюардом. Мы погрузились, самолетик коротко разбежался и вспорхнул. Под крылом проплыла береговая линия, заплескалось холодное мертвое море. Стюард сервировал столик, рассудив, что если клиенты заказали виски в полет, то их намерения прозрачны.

Мне пить не хотелось. Я пригубила из вежливости и отвернулась, глядя в иллюминатор. Мужчины поняли меня правильно: оставили в покое. Такси шло на высоте самое большее шестьсот футов, и мне казалось, я даже вижу гребни волн, украшенные барашками. Похоже, погода портится.

Какое обычное с виду море... Похоже на земное, на какое-нибудь Охотское. Только Охотское, даром что холодное, кишит жизнью. Здесь вроде тоже были какие-то рыбки-водоросли, но с каждым годом они деградировали и количественно, и качественно.

Эверест – одна из самых интересных планет. Как любая кислородная планета, он проходил оценку, но занял едва ли не последнюю строчку, уступив даже малоудобным Люкстону и Большому Йорку. Сутки на Эвересте делятся двадцать пять с половиной часов, и это, пожалуй, единственное его достоинство.

Год на Эвересте длится одиннадцать с половиной федеральных. Резкая смена сезонов, зима по четыре года и холодное, мокрое лето. Громадные ледяные купола и вечная мерзлота. На экваторе среднегодовая температура – плюс четыре по Цельсию. Однако практически вся экваториальная зона занята океаном. И для жизни на планете годятся лишь несколько крупных островов.

Его открыла частная экспедиция больше трехсот лет назад. Люди потратили на исследования несколько лет, упустив перспективные Таниру и Кангу, а в результате остались ни с чем: овчинка выделки не стоила.

Сначала основным населением Эвереста были сотрудники научных станций, азартно изучавшие процесс естественного оледенения планет. Вскоре вокруг станций выросли институты. Еще сто лет назад считалось, что будущее Эвереста предопределено: планета-лаборатория, планета-университет, планета-кампус. Потом с нее придется убираться, потому что оледенение продолжается и скорость продвижения границы снегов с каждым годом все больше. Когда льды с севера и юга сомкнутся, планета перейдет в статус ресурсной и станет хранилищем пресной воды. Но вскоре выяснилось, что и этого ей не дано: вода по качеству уступала даже той, какая льется из стоков машин на водородных двигателях. Пить ее нельзя, очистка слишком дорогая, а рядом – две крупные теплые планеты, прекрасно обеспеченные всеми биологическими ресур-

сами. Фактически льды Эвереста годились только для первичного терраформирования. Когда для жизни готовили Венеру, никто не обращал внимания на качество завозимого льда. Главное, чтоб это был водяной лед, а не метановый или какой он там еще бывает. Строго говоря, если вспомнить исходный состав тамошней атмосферы, удивляться нечему: Венеру химией не испортишь. Но – это планета в составе Солнечной системы. В двух шагах от родины. Ни с одной планетой дальше десяти парсек от Земли нянчиться не станут. Потому что незачем. В Галактике в целом процент кислородных планет очень низок, особенно в «нашем» рукаве, однако же их куда больше, чем человечеству нужно прямо сейчас и понадобится в ближайшую тысячу лет.

Поэтому Эверест просто бросили. Постепенно свернули полярные станции – их ведь надо как-то обогревать, на полюсах температура под минус сто – вовсе не рекорд. Поначалу, когда был газ, они работали, но затем доступные в теплой зоне шельфовые месторождения истощились, и даже университеты стали искать новое место.

Но двадцать лет назад все снова изменилось. Появились дешевые технологии бурения льда, и наконец нашли способ разведывать недра под слоем мерзлоты в десять и даже тринадцать километров (кто бы знал, что этот секретный способ называется «баба Лиза»). На Эвересте стала бурно разворачиваться промышленность. Комплексы строили прямо в ледяной толще. Некоторые доходили до поверхности, и тогда по штату ползли странные слухи: что обнаружены явственные следы высокоразвитой цивилизации, чуть ли не вполне технологического уровня – паровые машины там, радио... Ни четкого подтверждения, ни опровержения в прессе не было. Но что на планете когда-то была жизнь – несомненно. Потому что здесь было вдоволь органических полезных ископаемых.

Последние годы стал разворачиваться и туризм. Края ледников оказались перспективными для зимних развлечений, океаны годились для яхтинга и рыбалки. Птиц почти не осталось, вымерли еще до появления тут людей.

Наверное, исследователям очень интересно следить за процессом. Они лучше понимают механизмы ледниковых периодов на Земле. И туристам нравится. Многие часами бродят по островным берегам в надежде найти какой-нибудь артефакт. Но мне, например, очень грустно. Эверест – планета-могильник, и этим все сказано. Я не смогла бы здесь ни учиться, ни отдыхать. И мне кажется, не случайно среди выпускников Эвереста много сумасшедших, но мало тех, кто сделал большую и плодотворную карьеру.

Подходящая планета, чтобы породить грандиознейшую преступную идею.

...Самолет лег на крыло, и я увидела бухту, окруженную зелеными холмами. Растительность здесь была завозная и недолговечная ввиду угрозы скорой гибели, но смотрелась весьма празднично. Я поняла, почему Макс заказал именно амфибию: холмы вздымались едва не от самой воды, устроить взлетно-посадочную полосу негде. Видимо, это норма для Эвереста, где каждый метр суши драгоценен.

Такси коснулось воды, мягко побежало к пристани. Мои мальчики за время полета нашли общий язык, чему весьма способствовали полбутылки виски. Макс явно приложил усилия, чтобы влюбить Йена в себя, но к чести последнего должна сказать: не поддался. Он не понял, зачем Макс обрушил на него свою харизму, – вроде не женщина, не перспективный инвестор, не высокий чин из налогового департамента. Обычный полицейский, даже не экологический, а криминальный. А может, Йен просто жил в ожидании встречи с любимой певицей, и Макс, каким бы сладкоречивым ни был, на фоне Нины Осси не котирировался.

На пристани нас ожидал кабриолет – чтобы любоваться видами по дороге, не иначе. Я поехала – на этом острове было существенно холоднее, чем на нашем, – и села в машину, предвкушая, как меня сейчас продует. Но в кабриолете оказалась тепловая завеса, и через пять минут, которые я провела, действительно с интересом глядя по сторонам, нас высадили

у входа в пафосный ресторан. Миновав рамки, Макс кивнул метрдотелю, тот поклонился и указал жестом направление.

Увидев Нину Осси, я в очередной раз убедилась, что Макс не знает женщин. Во-первых, она была в драных джинсах и лиловой майке на голое тело, рядом лежала теплая куртка лимонного цвета. Во-вторых, она явно пришла вовремя и уже озверела от скуки. А в-третьих, перед ней стоял бокал с пивом, но назвать ее пьяной или хотя бы заметно поддатой у меня язык бы не повернулся.

– Привет, – хмуро сказала Нина, не удостоив нас и взглядом. – Макс, а я всегда считала, что аристократам свойственна точность. Вот какого хера я, вместо того чтобы поваляться в ванне лишние полчаса, приперлась сюда точно к сроку?! И, блин, вы вырядились... Это уже демократично, да?

– А что, демократичность зависит от одежды? – парировала я, усаживаясь напротив.

– Но ты ж не будешь, например, пиво? – скривилась Нина. – Ты небось только винцо за лимон пригубляешь.

Я бесцеременно взяла ее бокал, понюхала, вздернула бровь и отодвинула.

– Лучшее пиво варят в Мадриде, – авторитетно сказала я. – Но где его там варят, знают только джедаи. Они пьют его теплым. Гадость, как по мне, но все остальное еще хуже. Ты его много уговорила?

– Не-а. Второй. Не лезет.

– Отлично. – Я обернулась, поманила официанта. – Что есть из виски?

– Я бы посоветовал «Бен-Невис», двадцать один год. Вискикурня на Кангу, основана этническим шотландцем, рецептура выдержана полностью, напиток выдерживается в бочках из-под хереса, ячмень выращивается в условиях, близких к шотландским...

– Неплохая вещь, – перебил его Макс, – я пробовал. На мой вкус, слишком мягкий. Хотя сегодня такая погода, что... Нам, пожалуй, тоже.

Официант оставил нам меню на пластиковых картах и удалился. Нина недоверчиво глядела то на меня, то на Йена.

– Твой поклонник, – небрежно сказала я. – Йен Йоханссон, следовательно. Умница, талант, прекрасно воспитан.

Йен порозовел от смущения. Нина окинула его взглядом, но ничего не сказала. На столе появились две бутылки, бокалы, разноцветный лед в вазочках, пошлые свечи, пепельница и грубо поломанный – ради вящей натуральности? – шоколад. Дождавшись, пока официант разольет по глотку, я понюхала. Ну, если мой нос не врет, пить это можно. Хотя пробовала я и получше.

Выпили. Йен налил по-человечески, по полстакана. Я досыпала себе лед, потом достала из сумочки два блистера, из каждого выломала по две таблетки. Пару оставила себе, пару положила перед Ниной.

– Это что? – насторожилась она. – Слушай, не знаю, за кого ты меня приняла, но я с этим делом завязала.

– Розовая снимает алкогольное опьянение, – объяснила я. – Белая – детоксикант. Рекомендуются перед приемом выпить сто – сто пятьдесят миллилитров крепкого алкоголя. После этого можно легко залить в горловину еще пол-литра – не окосеешь. Утром никаких постэффектов.

– Ух ты, – Нина оживилась, – я о таком не слышала.

– Еще б ты слышала. Спецсредства из аптечки разведчика-нелегала, – фыркнула я.

– А у тебя откуда?

– А, – небрежно отмахнулась я, – старые запасы. Еще с армейских времен. У них срок годности десять лет.

И с тоской подумала, что этот блистер детоксиканта – последний, остатки таблеток из баночки я доела на Сонно, а привезет ли Август новую партию с Земли, еще вопрос.

– Гм. Я правильно поняла, что ты служила в нелегальной разведке?

– У нас говорят «специальная разведка», – поправила я. – Служила. Имела бы капитанский чин, да с командующим повздорила.

– Все мужики козлы, – сделала Нина вывод. – Ладно, давай выпьем. Сколько, говоришь, надо? Сто пятьдесят? Это мы мигом.

Через десять минут наша знаменитая певица развеселилась и расшумелась. Я напомнила ей про таблетки, заодно и сама приняла. Нина закинула их в рот и залила хорошим глотком виски.

– А я что-то решила, ты жена Макса, – сказала она уже тем доверительным тоном, какой бывает только у демонстративно нахальных поддатых женщин. – Еще, блин, подумала: неловко-то как получилось. Ну, в порту. Не, я не такая развязная на самом деле, просто знаю себе цену, ну а остальное – работа требует... Если б я видела, что Макс с женщиной, фиг бы я подошла. А мне померещилось, что он один. А сейчас гляжу на вас... Да фиг бы жена стала меня терпеть. Сестра?

– Нет. Именно что жена. Только – бывшая. Поженились, мне даже девятнадцати не было. Года не прожили, развелись. Остались друзьями.

– Это ты считаешь дружбой? – возмутился Макс, но мы обе от него отмахнулись.

– А-а, понятно, – сказала Нина. – Я тоже сходила замуж. Мне для карьеры надо. Понимаешь, типа звездочку на борту нарисовать, если по-вашему, по-военному. Хотя ты меня не слушай. Все не так было. Выпьем? А то жрать чего-то хочется, а кормить нас не спешат.

Я деликатно профилонила, Нина не заметила.

– Фу, – выдохнула она, – отпускает. А у меня все просто было. Два года назад я, такая вся популярная, наверх не поднимаюсь, а взлетаю, море идей... я ж не только пою, я музыку всю сама пишу, ну и слова... если честно, слова хреновые, но других у меня нет, я с поэтами двух минут рядом провести не могу, мне их убить хочется. У меня студия на Большом Йорке, место гнилое, но писаться там лучше всего – нет стимула затягивать работу. Ты ж понимаешь, я выкладываюсь так, что иногда тошнит от мысли поработать. Вот я себе и устраиваю всякие антистимулы. Типа чем быстрее отпашу, тем быстрее уеду отсюда. И вот, тему закрыла, пошла к друзьям на вечеринку, и знакомят они меня с Раджем... Не, не вспоминай, это его настоящее имя, для сцены-то у него псевдоним. И по фигу, кто он, я не про него хочу рассказать. А у меня, понимаешь, все один к одному. Закончила запись, гастроли через два месяца только, и к тому же рассталась с Максом...

Я покосилась на него из-под ресниц. Два года назад он расстался с Ниной. А я два года работаю у Августа. До этого я служила в полиции и отбивалась от назойливых ухаживаний Макса. Значит, он изводил меня, а сам встречался с Ниной. Красавец.

Макс все понял, но сделал вид, что так и было задумано.

– ...Макс хорош, но это не то, что я хотела, – рассуждала Нина, не заметив наших переглядок. – Секс есть, любви нет. Секса много, сколько хочешь, все на высшем уровне, но без души. Я с ним куда-то иду – и такое ощущение, что мы каждый сам по себе, просто случайно встретились по дороге. А потом точно так же случайно приходим в постель. Типа я поспать собралась, под одеяло залезла – а там Макс. Ну и переспали, хрен ли... Потом он мне внезапно сказал, что у него дела на Земле, завтра улетает, короче, прощай. Ну прощай. А что я еще могла сказать?! – Она поморщилась. – Мне потом намекнули, что он все это время на два фронта играл, была у него зазноба чуть ли не в полиции... Не понимаю я этой мужской страсти к бабам в форме.

– Это смотря какие под формой формы, – не замедлил подсказать Макс.

Мы обе посмотрели на него весьма неодобрительно.

– Короче говоря, подвернулся мне Радж. Такой же, как я, говорим на одном языке, живем одними идеалами. И прямо фонтанирует любовью. А ты знаешь, у каждой бабы, наверное, какой бы она ни была стервой, есть затаенная мечта – подвенечное платье, белейшее, фата, гости, букет, который она бросает подружкам... медовый месяц. В общем, мы обвенчались. И – все. Секс очень быстро сошел на нет, зато все разговоры сплошь о любви. А мне на гастроли ехать. Раджу со мной таскаться здоровье не позволяет. И планы. У него запись. Тонкая психика. Он весь такой чувствительный. Не может без меня ни дня. Ну и после первых трех концертов я свернула тур. Неустойку пришлось платить чудовищную. Ладно, думаю, я тогда снова в студию. Вот на этом разговоры о любви кончились, а началась какая-то психопатия. Я не могла ни на минуту его оставить. Без меня он ничего не делал, вот если я приду и заставлю... Ага – именно заставлю. Он скандалил, потому что не хотел вставать утром, скандалил, потому что я пригласила домой своих друзей, высмеивал всех, с кем я общалась, придирался ко всему, что я делаю, и объяснял, что я должна у него прилежно учиться... У нас были идеи насчет совместных проектов, и я точно не помню, они провалились или мы за них так и не взялись. Ну, наркота, как водится. За год я перепробовала, кажется, все. Не работала, не выступала. Очнулась как-то в клинике после передоза и решила: хватит. Развелись. Как я этот развод вытерпела – сама не понимаю. А сейчас знаешь как? После развода баракло свое из нашего дома забрала, а себя по пути где-то потеряла. Живу прошлым. Тем, что еще до свадьбы было. Работать не могу, ни одной мысли. Так, роялти за старое капают. Ну, иногда по клубам пою. Не, клубы нормальные. Иногда вижу себя в рейтингах лонгселлеров, удивляюсь. Как не со мной все это было. Как будто я играю в Нину Осси.

Я сочувственно улыбнулась. Наполнила бокалы. Официант привез еду. Нина зависла над своей тарелкой и вдруг опасно глянула на меня:

– Я не спросила: а твои таблетки – они как протрезвляют? Я блевать не буду? Я тогда попозже поем.

– Нет, – успокоила я. – Все продукты покинут организм строго нормальным путем.

– А-а. Тогда хорошо. А ты здорово умеешь слушать. Это профессиональное?

– Да и нет. Без этого навыка в разведке и криминалистике делать нечего. Но туда и не набирают людей, которые исходно склонны больше говорить, чем слушать.

– Не, это понятно. Везде так. Вот возьми меня: петь я умею. Но если б таланта исходно не было – никакое обучение не помогло бы. А чем сейчас занимаешься?

– Работаю. Ассистент инквизитора первого класса.

– Ух ты. Не, что такое инквизитор, я в курсе. Фиг бы я развелась, если б мне один инквизитор не помог... Не за так, само собой, но за работу вообще-то принято платить. Хотя он ко мне потом клеился.

– А кто? Если на Большом Йорке, я там всех инквизиторов знаю.

– Фридрих Залман, – ответила Нина. – Или Зулман. Не знаю, как правильно. Если ты бывала на Большом Йорке, то слыхала, какое там произношение.

– Я прожила там полтора года, чуть больше. И красавчика Фридриха, он же Павлин Фридрих, встречала довольно часто.

– Павлин Фридрих, – засмеялась Нина, – очень точно. Кто это его так приложил?

– Я. Видишь ли, он, конечно, в рамках своей компетенции хорош. В работе честен, скрупулезен. Но он закончил следовательский факультет в Кабане. Потом три года – на конторской работе в медвежьем углу, где никогда ничего не происходит. Набрав стаж, уволился, взял локальную лицензию третьего инквизиторского класса. В сущности, это самый обыкновенный, ничем не примечательный хороший полицейский следователь. Но ему казалось, что называться инквизитором – круче. Денег больше, кто бы спорил. Девочкам, опять же, нравится. И Фридрих так пыжился, что смотреть на него без смеха нельзя было. Непонятно даже, чем он больше гордился: смазливой мордашкой, атлетической фигурой или лицензией инквизитора.

Нина кивала на каждое мое слово.

– Ты, если когда-нибудь заинтересуешься темой, захочешь разобраться, чем инквизитор отличается от следователя... – я показала на Йена. – Вон у того парня – именно что инквизиторский диплом. Джорджия. Хотя работает следователем. Йен, у тебя какой класс?

– Второй, – оживился Йен. – На выпускной квалификации. С отличием. Но я с самого начала хотел работать в полиции.

– Он романтик, – пояснила я для Нины. – Настоящий. Старички уже пари заключают, как быстро его переманят в федеральную безопасность.

Йен смутился. Нина поглядела с интересом и попросила визитку – ну так, на всякий случай, вдруг действительно захочется разобраться в теме. Йен буквально расцвел. Вот и прекрасно, подумала я, а то парень стал слишком восторженно глядеть на меня.

– А у твоего босса – первый? – уточнила Нина.

– Мой босс – это вообще уникам. Чудак и гений. Из хорошей семьи...

Макс выразительно фыркнул и не замедлил уточнить:

– Моего уровня.

– ...покруче Макса, – сказала я. – Пошел на факультет для бедных. Что удивительно – закончил. Что еще удивительней – он работает по специальности. Первый класс на выпуске, диплом с отличием, Мадрид.

– Круче не бывает, – поддакнул Йен. – Мне даже интересно, в ближайшие двадцать пять лет его рекорд побьют? Потому что первый класс получить можно. Но чтоб диплом с отличием... На это обычно сил не остается.

Нина хмыкнула.

– Август-Александр Маккинби, – выговорил Макс насмешливо.

– Он что, инквизитор?! – взвилась Нина. – Слушайте, чепуха какая-то... Потому что это тот человек, который спродюсировал мои гастроли! Вот эти! Только он ни фига не инквизитор, он герцог...

– Герцог Кларийский, – кивнула я. – Говорю же: чудак и гений.

– А кто именно устроил тебе этот выезд, мы ни капельки не сомневались, – ехидно добавил Макс. – Ну, может, если только Йен...

– Макс, – с дружеским упреком осадил его Йен. – Я же все-таки инквизитор по образованию. Разумеется, я сразу понял, кто срежиссировал всю поездку. И не только уважаемой мисс Осси. Еще и нашу. Не бывает таких совпадений. Он посадил нас в тот же лайнер, каким летел ты. Когда мы прибыли, я окончательно утвердился в своем мнении. Разве тебе не показалось странным, что одновременно сели два корабля, наш и мисс Осси?

А действительно, подумала я. Не сажают одновременно два корабля. Вернее – посадят. Если один коммерческий, второй – личный. Потому что частный сектор отделяют от коммерческого, и посадочные площадки разнесены на безопасное расстояние. Ну-ну, и на чем же Нина летела?

– Мисс Осси, я верно предполагаю, что вы летели не рейсовым кораблем? – спросил Йен.

– Да, – растерялась Нина. – А он мне сказал, что у него друг на Эвересте, ему нужна яхта, и раз нам с яхтой по пути, никто не станет возражать... Слушайте, меня, конечно, в разные места приглашали, но с таким комфортом я летела впервые!

– Так, – сказал Макс, – моя яхта на Танире, я собирался улететь на рейсовом. Значит...

– Насколько мне удалось узнать, это его яхта, – скромно заметил Йен.

– Значит, предполагает, что нам придется срочно уносить ноги, – практично заметила я. – Теперь мне совсем интересно.

– У меня есть предположения, – сказал Йен. – Если общество не возражает...

Общество, разумеется, не возражало.

– Лорду Маккинби нужно, чтобы на Эвересте в один момент оказались лорд Берг, мисс Берг, мисс Осси и я. Предположение первое. Зная отношения между лордом Бергом и мисс Берг, лорд Маккинби ввел катализатор в лице мисс Осси. Развитие событий нетрудно предсказать: лорд Берг окажется в неловком положении, мисс Берг постарается выручить его, таким образом, на несколько дней вы трое будете заняты друг другом и личными отношениями. А я – вот я буду работать. Такое решение хорошо, если нужно удержать мисс Берг от рабочей поездки в какое-то опасное место. Поскольку уже известно, что за ней охотятся убийцы, в этом может быть резон. Предположение второе. Мы – все четверо – приманка. Лорду Маккинби потребовалось удалить с Таниры определенное лицо. Вычислить его никак нельзя, но известно, что он ходит по пятам за мисс Берг. В таком случае вы трое разыгрываете личную карту, перипетии невольного скандала просачиваются в прессу – с вашей профессией, мисс Осси, это неминуемо, – и искомый человек попадает на крючок. Он знает, где искать мисс Берг, он придет. Возможно, я в таком случае нужен для ареста. И я склонен думать, что второе предположение к истине ближе. Но этот человек уже на Эвересте. Он летел тем же лайнером, что и мы. Я обратил внимание на него. Он ни на кого не смотрел пристально, но время от времени как бы невзначай фиксировал двоих – лорда Берга и мисс Берг. Ну и по мне скользнул взглядом. Вот, – Йен развернул монитор со своего чипа, – я на всякий случай поймал его. Сейчас думаю – не зря.

На фото был рыжий веснушчатый мужчина с лошадиным лицом.

– В отеле я связался с местным управлением полиции, представился и попросил узнать, кто летел на том месте, которое занимал означенный господин. Мне ответили: мистер Джейкоб Бирма, предприниматель с Клондайка, прибыл с целью торговых переговоров.

– Даймон, – процедила я. – Жаль, что в гриме. И жаль, что ты ограничился фото, а не сделал ролик. Моторика, моторика нужна.

– Я поздно заметил его, – в свое оправдание сказал Йен. – Вы не могли его увидеть, он всегда держался в «мертвой зоне». Держался так естественно, что я заметил его лишь потому, что сам приглядывался к лорду Бергу.

– Тебе сказали только имя? – спросил Макс.

– Нет. Всю информацию.

– Чем он торгует?

– Морозостойкими пластиками. Вполне востребованная продукция на Эвересте.

– Код есть?

– Макс! – возмутилась я.

– Спокойно, дорогая, я просто хочу проверить. Я хочу послать ему сообщение.

– Ты ничего не проверишь, у него же чип другого человека, и твое сообщение получит хозяин чипа! У него же параллельный вход в...

– Отлично. В таком случае мы узнаем, что Джейкоб Бирма находится на Клондайке или где еще, а этот тип – точно Даймон. На Эвересте особо спрятаться негде, так что мы мигом его отыщем.

– Это диверсант, – прошипела я, – он тут под столиком сидеть может, а ты его не заметишь.

Нина тут же заглянула под стол. Разумеется, там никого не было. Но мужчины уже загорелись идеей. Зря я пожалничала и дала таблетки только Нине, надо было и их накормить. Насильно, потому что оба считали – они крепкие, обойдутся.

Йен перебрал Макс код. Макс быстро продиктовал короткое сообщение: «Мистер Бирма, есть заказ на ваш товар. Свяжитесь со мной. Берг». Ну, это еще куда ни шло...

Мужчины предвкушали эффект, по этому поводу снова выпили. Мы с Ниной тоже, а чего ж нет.

– Знаешь, а я действительно протрезвела, – с удивлением сказала мне Нина. – Причем хорошо. Не как с утра бывает, со страхами и приступами стыда непонятно за что непонятно перед кем, но с ненавистью к себе, а просто – трезвая. Ну, почти. Я уж забыла это ощущение.

– Ешь давай, – я подтолкнула к ней тарелку. К счастью, посуда здесь была с автоподогревом. Я говорю «к счастью», потому что в пафосных ресторанах пытаются создать натуральный эффект, поэтому используют или настоящий фаянс, или стекло. На них еда остывает мгновенно. – И сильно на виски не налегай, опьянеть не опьянеешь, но перестанешь получать удовольствие.

– О, удовольствие – это важно. Я тыщу лет не получала настоящего удовольствия. Ни от чего. Ну, наркота, ты понимаешь, – Нина пожала плечами. – Это не ты ее жрешь, это она тебя. Хорошо, у меня после развода хватило денег на нормальное лечение. Как вспомню, так вздрогну. Такое чувство, что половину жизни просто в унитаз спустила. Никогда не подсаживайся на эту дрянь. Знаешь, говорят, мол, у творческих людей мозги так устроены, что наркота у них личность не уничтожает, а вроде как просто стимулятор. Да черта с два. Выживает просто в минус. Пока ты под кайфом, все так весело, а через год приходишь в себя и пытаешься понять – а куда делось это время? Жуткое ощущение. Я бы лучше в коме провалялась...

– Но есть и третье предположение, – уже слегка пьяноватым голосом позвал Йен. – Оно фантастическое. Зная всех фигурантов, боюсь, что оно-то и есть истинное. И оно вот какое: нас просто удалили с Таниры. А мисс Осси добавили и для нее, и для того, чтобы мы опекали ее, потому что ей, очевидно, нужна поддержка. И для того, чтобы мы с мисс Берг не смогли выполнить работу быстро. Я так думаю, потому что мисс Берг упрямая, ее можно затормозить в работе, но нельзя отвлечь совсем. Лорд Маккинби это знает лучше других. Поэтому план, наверное, такой: мы делаем то, за чем прилетели. Какое отношение ко всему имеет Даймон, я не знаю. Но не верю, что он охотится за нами. А в это время лорд Маккинби берет всю банду. Потому что он, конечно, уже знает всех фигурантов по именам. Мы приезжаем и привозим недостающую часть – банды и следственных материалов. И все, можно передавать в суд.

– Хорошо бы, если так, – проворчал Макс. – Только извини, я Маккинби знаю чуть подольше твоего. Согласен, что нас удалили. Но вряд ли затем, что ты сказал. Не дает мне покоя яхта. Зачем-то он ее прислал сюда.

– Чтобы внешние наблюдатели думали – он сам здесь? – предположил Йен.

– О! – воскликнул Макс. – А это значит, он сам где угодно, только не здесь. И не на Танире. Потому что! Потому что на Таниру он прилетел на яхте, то есть она была там. Нин, тебя откуда забирали?

– С Земли.

– Значит, он на Земле.

Я промолчала. Макса понесло. Он даже считать разучился. Когда я выходила из дома, Август еще спал. И раньше чем через час после меня он улететь с Таниры не мог. До Эвереста федеральный лайнер идет около трех часов. И по прибытии мы столкнулись с Ниной, которая прилетела на яхте Августа. То есть, если верить Макс, яхта Августа за два часа проделала путь Танира – Земля – Эверест, причем с приличной стоянкой на Земле – пассажиры-то могут выгрузиться-загрузиться в момент, но вряд ли таможня и сервис войдут в положение и резко научатся шевелиться со сверхсветовой скоростью. Они даже думать с такой скоростью не умеют, куда уж им шевелиться.

Соответственно, яхту на Землю Август отправил раньше. А сам мог и на Танире остаться. Или же улететь на лайнере, но для нас это уже несущественно.

– Переговоры он с тобой когда вел насчет гастролей? – Макс не унимался.

– Да с месяц уже как. То есть был его представитель, а неделю назад с ним мой агент встречался.

– Черт, – Макс удивился, – что же он задумал? Потому что месяц назад... Ну да, месяц назад я приехал на Таниру, как раз было это убийство... То есть он тогда ни фига еще не знал, как повернутся события. Но вот что точно было – у меня уже был договор насчет этих лекций. То есть что я буду на Эвересте, уже точно было известно. Знаешь, – он прищурился, – у меня крамольная мысль, Дел. Тебе никогда не казалось, что он тебя ревнует? Потому что мы тогда помирились, и он тут же договорился о гастролях Нины, зная, что она девка непосредственная и при встрече кинется мне на шею, а ты...

– Откуда бы он мог это знать? – перебила я. – Вот что, – я достала еще по паре таблеток и выдала мужчинам. – Пейте. Сил моих больше нет глядеть на ваши пьяные рожи. И слушать пьяный бред я тоже не могу.

– Ну почему бред?! – возмутился Макс.

– Потому что я тут оказалась исключительно потому, что он же и выдал мне задание! Если это ревность, то я шанхайский император!

– Делла права, – заметил Йен и бросил в рот таблетки. – Тогда вывод один: его планы не имеют отношения к нашей текущей работе.

– Слушайте, а что за работа-то? – наконец сумела вмешаться Нина.

– Да так, фигня, – отмахнулся Макс. – Банду ловим. Дел, сколько уже трупов? Десяток есть?

«Ловим», ага. Типа это «мы» ловим. Макс и его верные помощники. Ну-ну.

– Мама... – охнула Нина.

У Макса пришло сообщение на чип. Он прочитал, ухмыльнулся и сказал удовлетворенно:

– Попал. Он. «Дорогой лорд Берг! Счастлив получить ваше письмо. К сожалению, я привез на Эверест демонстрационную партию и в случае заключения договора в ближайшие полгода буду занят исполнением его условий. Однако, представляя себе ваши обстоятельства, полагаю, что полугодовая отсрочка вас не отпугнет. Должен признаться, для меня большая честь выполнить ваш заказ, я полагаю себя лучшим в своей рыночной категории и отвечаю даже вашим высоким требованиям. Через полгода, если Господь будет милостив ко мне и я не скончаюсь от какой-либо нелепой причины, я буду счастлив обговорить с вами ваше предложение. Непременно свяжусь с вами. Кланяйтесь от меня Офелии, с уважением, искренне ваш Джейкоб Бирма».

Все молчали. И в этой тишине недоумевающая Нина спросила:

– И чего? Это что – диверсант вам такое написал? По-моему, торгаш как торгаш.

– Он самый, – сказала я. – Йен, он нарочно тебе показался. У него заказ на Эвересте, и он так вежливо предупреждает, чтоб ему не переходили дорогу. И как бы его заказ – не тот, кого мы ищем. Черт, придется поторапливаться, а то он завалит нам свидетеля.

Нина ошарашенно хлопала глазами:

– И вы так запросто? Вот, взяли, написали... Макс, а ты-то что от него хотел?!

– Выманить, – сказал Макс. – Есть один человек, которому я от всей души желаю самой лютотой смерти. Все знают, что он есть. Вполне достоверно звучит – я ищу наемника, чтобы грохнуть некую важную персону. Черт, мне сейчас надо, а не через полгода. Может, ему в лоб сказать, сколько заплачу? Тогда он все бросит и придет...

– Макс, – осторожно сказала я, – ты читать разучился? Тебя послали. Далеко и темным лесом.

– Ну спасибо, дорогая, за расшифровку, – обиделся Макс. – А то я сам не понял. Почему и сказал – может, ему сумму озвучить? Я могу о-очень вкусный гонорар заплатить. Ну и под этим предлогом договориться о встрече для обсуждения...

– Ты либо пей, либо думай, – посоветовала я. – Он с тобой при самом лучшем раскладе встречаться не будет вообще. С ума сошел? Чтоб себя выдать? Схема обычная: ты оставляешь наводку на клиента, сообщая номер анонимного счета и пароль. Когда работа сделана, ты

читаешь об этом в новостях и активируешь счет. Все. Лицом к лицу вам встречаться нет нужды. Макс, ну, ей-богу, это ж азы.

– Слушайте, вы на полном серьезе такие вещи обсуждаете, – даже испугалась Нина.

– А о ком речь? – спросил Йен.

– Неважно, – отмахнулся Макс. – Я же не собирался в самом деле заказывать чью-то жизнь. Побойтесь бога, я благородный человек. Если надо, на поединок вызову и сам убью.

Я только глаза закатила.

– Макс, таблетки выпей. Тебя уже несет.

– Вот пристала, как репей... – Макс проглотил их, не жуя и не запивая. – Довольна?

– Довольна, – кратко сказала я.

– Ну ладно, я поняла, это такой следственный прием, – сказала Нина. – Не вышло. Давайте чего-нибудь другое придумаем. Могу помочь. У меня воображение богатое. Главное – нестандартное, я ж музыкант.

– Нина, ты прелесть, – я погладила ее по руке, – но проблема в том, что нам не нужно ловить Даймона.

– Нет, ну, конечно, хорошо бы... – протянул Йен, мечтательно поморщившись. – Но не возьмем.

– Ну шаз не возьмем, – заносчиво воскликнул Макс. – Не знаю, чему учили тебя, а мы-то с Деллой офицеры...

– Но вообще нам нужно найти и разговорить совершенно другого человека. Просто разговорить, никакой грубости. Одного из студентов, вроде бы прихожанина люциферянской секты, – не обращая никакого внимания на Макса, тянул Йен.

– Ну вы даете. То диверсанта выманиваете, то сатаниста.

– Сатанисты обижаются, когда их путают с люциферянами, – поправил Йен. – Я три часа бился с нашими сатанистами на Танире,дохлый номер. Мы, дескать, к ним отношения не имеем, мы правильные ребята, а они дураки. А я чувю, что имеют... Ну ладно, здесь еще полиция есть. В которой я даже две недели отработал чуть меньше года назад.

– Отлично, – сказала я, – тогда ты пойдешь в полицию, а я – к люциферянам. Потом поменяемся всем, что нароем.

Йен моргнул два раза, медленно улыбнулся:

– Я так и знал, что вы придерживаете львиную долю сведений.

Я очень загадочно улыбнулась.

– Офигеть вы интересно живете, – у Нины загорелись глаза. – Диверсанты, сатанисты, натуральные звездные принцы, инквизиторы, трупы... Хочу к вам. А правда, примите меня в компанию. Мне новые впечатления нужны, эмоции и страсти. Я тут подумала, может, не получается сочинять, потому что я прошлый опыт уже израсходовала? А новый еще не накопила, нечего пропускать через себя... Не, правда. Я полезная. Если кого надо выманить, из студентов, так я могу автограф-сессию устроить или еще что в таком духе. Они ж как дети, прибегут. По фигу, что сатанисты. У меня, кстати, ни одного знакомого сатаниста нет. Я вообще могу типа закрытого джема устроить, только для сатанистов. Меня, правда, потом бабка на порог не пустит, она набожная, и притом единственная из родни, кого я люблю... но я объясню, что это была такая военная хитрость, надо было втереться в доверие, да чего она, про шпионов никогда не слыхала? А?

– Да легко, – сделал широкий жест Макс. – Ни один сатанист не откажется от твоего автографа, ты кумир всего местного молодняка. Дел, когда это сделаем? Может, прямо после концерта?

Я сдержалась. Вместо этого улыбнулась еще шире и ласково сказала:

– У меня есть идея еще лучше. Нина может оказать следствию реально неоценимую помощь прямо сейчас.

Я взяла театральную паузу, повернулась, поманила официанта:

– Авиатакси свободные есть? На двоих, больше не нужно.

– Есть, – кивнул официант. – Когда подавать?

– Немедленно.

Он удалился. А я плеснула по глотку виски всем. Подняла бокал, выпила.

– План такой. Сейчас мы с Йеном уезжаем. Макс, ты позаботишься о Нине. Нина, а ты постарайся задержать его как можно дольше. Считай это испытательным заданием. Завтра Макс идет читать свои лекции, Нина – готовиться к концерту. А чем займемся мы с Йеном, вас обоих не касается. Нина, – я посмотрела на нее, – на концерте непременно будем. Всего хорошего, господа, приятно провести вечер.

– Делла, – ледяным тоном начал Макс.

– Макс, ты только что в присутствии троих свидетелей пытался связаться с наемным убийцей. Никаких подобных поручений лица, ведущие следствие, тебе не давали. И какие такие у тебя были мотивы, будешь объяснять в полиции. Мне вызвать копов или сам опамятуешься?

Я встала и ушла. У выхода стоял вертолет, пилот распахнул передо мной дверцу. Я удобно уселась. Через десять секунд прибежал растерянный Йен, запрыгнул в машину. Взлетели.

Минут двадцать я молчала, глядя в иллюминатор. Потом, не поворачиваясь, холодно спросила:

– Йен, ты все понял?

– Черт, – пробормотал он, – я виноват. Больше никакого алкоголя.

– Это само собой. Помнишь, я рассказывала, что Макс выпил мне всю кровь, когда работала на Большом Йорке? Он ходил в управление как к себе домой и указывал комиссару, какое задание мне поручить. Ты еще удивлялся – как же так, посторонний. Убедился? Я намеренно не стала тебя осаживать. Я хочу, чтобы ты раз и навсегда осознал, что такое Максимилиан ван ден Берг.

Йен расстроено потер лоб.

– Простите.

– Тебе не кажется, что пора уже обращаться ко мне на «ты»? – смягчилась я.

– Спасибо, – только и сказал Йен.

– И перья перед девушками распускай сколько угодно, – добила его я, – но, если Нину грохнут, отвечать как будешь? Положим, я верю, что она не сболтнет прессе, она профессиональная эпатажница, но не идиотка. Но ее могут грохнуть, обстреливая нас. И что тогда? Как будешь перед богом отвечать – хотел произвести впечатление, ну и вот?!

Йен угрюмо молчал. Кажется, ему было бы легче, если бы я попросту наябедничала Крюгеру.

...Как я и ожидала, Макс ввалился в мой номер через полтора часа. Я встретила его в гостиную, со скрещенными на груди руками – в этой позе очень удобно прятать в ладони шокер. Ничего хорошего от Макса я не ждала, поэтому шокер выставила на максимум.

– Делла, нам нужно поговорить, – Макс совершенно правильно истолковал мою позу и не стал приближаться.

– Мне нужно лечь спать, а чем нужно заниматься тебе, я не знаю и знать не хочу. Требование одно: подальше от меня.

– Я понимаю, что ты раздражена. Нина сболтнула лишнее, я сам ревнивый, отлично понимаю твои чувства. Но пойми и меня: это был просто секс. Никто не питал иллюзий, ты слышала, Нина сама сказала. Мне нужен секс, я взрослый мужчина. Если я еще и от секса ради тебя откажусь...

О господи! Он решил, я из ревности осадила его. Воистину, мужчинам надо выдавать член не с рождения, а лет в двадцать пять и только за безупречное поведение. Иначе они вырастают с убеждением, что весь мир вертится вокруг их пениса.

– Тем не менее Нина в прошлом. Это не повод пересматривать наши отношения.

– Макс, – сказала я равнодушно, – наши отношения – это плод твоей фантазии, и ничего более. Это тоже был просто секс. У меня давно не было любовника, а тут подвернулся ты. Вот и все.

– Ах так, – сказал Макс вежливо, но с легкой угрозой.

– Именно. Ты достойный партнер, чего скрывать. Но, Макс... Я не люблю тебя.

Макс застыл, побледнел, уставился на меня расширенными глазами. Я не отводила взгляд.

– Что же, – тихо сказал он, – тогда извини. Больше не побеспокою.

Он повернулся и ушел, аккуратно притворив за собой дверь.

Половину ночи я проплакала в подушку.

* * *

Я не ожидала, что мой утренний гость окажется таким красавцем.

Он позвонил, едва рассвело, извинился на случай, если не угадал с местным календарем и разбудил меня. Я посмотрела, откуда исходит звонок, ответила, что нахожусь на соседнем острове, соответственно в одном с ним часовом поясе. Тогда он передал мне привет от Ширны Та и попросил разрешения нанести личный визит. Я согласилась.

Через час, пригнув голову, чтобы не врезаться в притолоку, в мой номер шагнул самый красивый орк, какого я когда-либо видела. Рост у него был выше среднего, на глазок – два с половиной метра. Сложение по человеческому или индейскому типу – длинноногий, с подчеркнута прямой спиной. Похоже, из равнинных или островных орков, среди них исходно было много таких, а в условиях культуры они буквально через два-три поколения становились похожи на людей. Горные-то орки с виду – горилла гориллой. В пользу равнинного происхождения говорила и светло-соломенная масть. Характерный крап проявлялся умеренно, в виде шоколадных перьев, причем строго по волосистой части головы. Кстати, я впервые увидела орка, у которого крап обратный – обычно светлые пятна на темном фоне. Лицо и шея чисто выбриты, оставлены лишь небольшие бакенбарды. Брови четко оформлены, шоколадного цвета. Шерсть на голове гладко зачесана назад, открывая низкий, но выраженный лоб. Губы тонкие, но плотные, и клыки при разговоре не вылезают наружу, как это часто бывает у немолодых самцов. Кожа с медовым оттенком. И при такой цветовой гамме у него были отчетливо синие глаза.

Офигенный просто орк. Главное, он пришел в костюме. Из дешевой ткани, не новый, но сшитый на заказ. Еще бы. Для орков не производят фабричной протокольной одежды. А этому, значит, она была нужна. Обут в строгие ботинки, судя по замятостям – носить привык давно, ногу ставит правильно. Ногти аккуратно подрезаны, светлого цвета, шерсти на пальцах нет – похоже, сводит, потому что даже у людей на пальцах есть пух, а у него не было. Из-под манжета белой сорочки на левой руке выглядывал край сопряженного браслета – металлического.

– Шон Ти, – еще раз представился он. – Я навещал друзей на Эвересте, теперь возвращаюсь домой. Друзья попросили меня встретиться с вами.

Я обратила внимание на его речь – совершенно нехарактерную для орка. Его выговор был практически правильным.

– Вы собираете информацию о Дирге Та и диких орках, – продолжал он. – Я могу кое-что рассказать вам. Я не знал Диргу Та, только с чужих слов. Но я знаю другое. Я решил сходить

к вам, потому что я гражданин и могу давать показания в суде, а еще я попрошу потом о небольшой помощи, которая вас не затруднит.

Заурядная ситуация для орков: они не бескорыстны. Как правило, сведения стоили десятилитрового бочонка пива, иногда двух. «Таксу» знали все, и даже полицейские исправно выкатывали оркам-свидетелям любимый напиток. Судя по тому, что Шон Ти загодя упомянул о желаемой помощи, он хотел чего-то другого, но тоже разумного.

А вот то, что у него есть гражданство, очень даже хорошо. У орков, кстати, гражданство не было чем-то из ряда вон выходящим, и граждан среди них насчитывалось больше, чем среди эльфов, хотя последние несравненно умнее. Просто орки-мужчины едва ли не поголовно служили в армии и после пяти лет службы, если к ним нет претензий, гражданство получали почти автоматом, с облегченным экзаменом.

– Хорошо, Шон Ти, – сказала я, – вы хотите чаю или кофе?

– Чаю, если можно, – очень церемонно ответил орк.

Я заварила сама – тоже важный элемент, орки весьма ценят такие мелочи. Человеческая женщина своими руками заварила чай для орка – значит, она его уважает.

Поставив чашку перед гостем, я села напротив.

– Если вы не возражаете, я включу запись и потом оформлю ваш рассказ как показания. Разумеется, вам придется оставить свою подпись.

– Электронную или простую? Я умею писать.

– Достаточно электронной.

– В этом штате простые законы, удобные, – сказал орк. – Когда я служил в армии, в другом штате, подпись требовали обычную, на каждой бумаге. Даже от нас, орков. Мне хорошо, у меня бабушка индианка, я умный и закончил полную школу. А остальным было трудно.

Вот оно в чем дело – он кварталерон. Орочы и индейские кварталероны наследовали от обеих рас лучшее.

Дождавшись моего сигнала, мол, запись включена, он заговорил:

«Я расскажу по порядку. Я получил гражданство до армии, но все равно служил десять календарных лет. Армия – хорошее место для орка, и еще лучше она для умного орка. Я служил в штурмовой пехоте и в десанте, еще ходил в разведку. Два года я был рядовой, потом меня направили учиться, потом еще, и я стал сержантом. Через десять лет я заработал минимальную федеральную пенсию и решил, что надо поискать другую работу. Я закончил курс по личной охране, умею водить машину, самолет и вертолет, знаю, как устроены системы наблюдения, и хорошо обращаюсь со сторожевыми собаками. Я слышал, что богатые люди ценят таких, как я, и это достойная работа. Я дал объявление, что ищу работу у благородного человека. Это было шесть календарных месяцев назад.

Мне позвонил один человек с Таниры. Его зовут Грант. Он низкого роста для мужчины, но очень широкий и сильный. Он может обхватить большого орка, больше меня, и поднять его так, что у орка ноги полностью оторвутся от земли. При этом у Гранта сердце бьется как обычно, и он не краснеет от натуги. Грант сказал мне, что у него есть работа для меня. Работа такая: начальник охраны большого поместья. Поместье на Танире, раньше было заброшенное, теперь приехали новые хозяева и взялись за дело. Охраны не было никакой, они набрали орков, потому что орки – лучшие солдаты, но нужен командир и тренер. Командир нужен такой, чтобы уметь еще сопровождать хозяев на парадных выходах, потому что хозяева принцы.

Я приехал, поглядел. Мне не понравилось. Когда хозяева принцы, они сразу понимают, чего стоит такой орк, как я. Им друзья хвастаются, у кого такой есть. Я ждал, что со мной будет говорить хозяин, потому что начальник охраны – это важное лицо, и хозяин должен сам проверить, подойдет ли ему кандидат. Но хозяев я не видел, ни его, ни его жену. Не знаю, какими планетами они владеют, а когда спросил у Гранта, он посоветовал мне не умничать. Так с важными сотрудниками не обращаются, но я решил еще посмотреть. В поместье меня тоже не

возили. Я был только дома у Гранта. Этот дом находится в Девятом квартале, на углу Шестнадцать-Два, номер не знаю, но дом заметный: он за высоким забором, глухим, как тюремный, и с большим участком. В заборе есть ворота, туда заезжаешь на машине и сразу попадаешь в подземный гараж, из которого только выходишь в дом. Сам дом небольшой, но к нему пристроены казарма и зал для тренировок. Все под крышей. В казарме живут орки.

Грант сначала показал мне контракт. Деньги очень хорошие, пятьдесят тысяч в год, хар-дами, но наниматель он, а не обещанные принцы. Я подумал – и подписал, потому что нуждался в работе. Грант захотел, чтобы только на бумаге, сказал, что бумага – это гораздо солиднее, чем электронный договор, и у настоящих принцев всегда так. Только я подписал, Грант повел меня в казарму. Он показал мне комнату, где мне предстояло жить. Комната плохая. Голые стены, старая узкая кровать, белье ветхое, одеяло как будто мыши погрызли. Я сразу понял, что контракт был липовый, потому что мне тех денег не заплатят – раз уже сейчас не ценят. Я захотел уйти, но Грант сказал, что это временно, я могу заказать все, что нужно, это привезут, но мне самому без его позволения из дома выходить нельзя. Он объяснил, что это требование хозяина поместья, если кто-то узнает, что у него появилась охрана, сразу насторожится и навредит. Я подумал, что Грант считает меня дураком. Но промолчал – потому что я ведь не дурак, и зачем это показывать Гранту? Пусть думает, что обманул.

Так день прошел, а на другой мне показали моих подчиненных. Тогда я понял, что никаких принцев нет, а Грант хочет совершить преступление. Потому что мне показали тридцать орков, но все они – дикие. Там только двое кое-как балакали по-федеральному, остальные ни слова не понимали. Без шунтов, голые. Я стал говорить с ними по-нашему, но они совсем дикие. Их только что привезли. Они и по-нашему-то плохо говорили. А те двое, которые понимали федеральный, они за надзирателей. Я с ними поговорил, по-нашему, но на мужском наречии. Грант знает орочий, но тот, который общий, для всех. А есть еще женское наречие, его наши парни не знают, и мужское, которое не знают девчонки. Есть еще детская речь и язык Старших, но Старших я никогда не слышал, здесь его не учат.

Те двое мне сказали, что Грант хороший, дает пиво, «нирвану», женщин. Только одних в город не пускает, и новеньких тоже не пускает, но когда я покажу себя верным, то пустит. Они и в поместье том были. Да, сказали, большое, таким только принцы владеть могут, размером с остров Д'Варту. Я не знаю, каков он, я никогда не бывал на родине моих предков, но я знаю, что для людей это мало. У людей принцы всегда владеют целой планетой. Те двое мне сказали, что это не вся земля, еще есть, только ее враги захватили. Поэтому и нужны орки. Тот принц хочет армию и прогнать со своей планеты врагов. И еще сказали, что таким хозяевам служить приятно. Потому что раз в неделю женщина, пусть одна на нескольких, зато слова ей давать не надо, и бывает оркушка, а бывает и человеческая, и можно делать что хочешь с ней. Я удивился. Это неправильно. У нас принято, что, когда парень и девушка хотят вместе делать детей, они дают слово, и после того парень не смотрит на других девушек, а девушка не глядит на других парней. Если они так не сделают, «другие я» того парня закидают девушку грязью, а «другие я» девушки поколотят парня палками, и нельзя давать сдачи. Если после этого они снова не дают слова, но ходят в лес, то обоих прогоняют из трибы. А без слова берут, когда идут мстить другой трибе или хотят выгнать ее из своего леса. Тогда мужчин бьют и убивают, а женщин берут как хотят, но потом забирают в свою трибу. А то, что делал Грант, – это плохо, оркам нельзя такое позволять, они привыкают и потом становятся преступниками. У нас же, если с женщиной что хочешь делаешь, а войны с ее трибой нет, то за нее будут мстить все ее «другие я», и братья, и сестры, и друзья ее братьев и сестер, и твои братья за тебя не заступятся.

Тем вечером я увидел, что Грант дает всем «нирвану». Он давал ее выпить, потому что дикие боялись иголок и не позволяли колоть. А те двое уже не боялись, они кололи. Грант дал и мне, я сказал, что боюсь иголок, лучше буду пить, и тайком вылил. Дикие орки уже привыкли, им в пути, на корабле, давали «нирвану» с водой, и они теперь без нее не хотели.

Потом, когда они захмелели, Грант привез трех женщин. Человечки, старые и пьяные. Они кричали «дай наркотики, дай выпить», и Грант лгал им, что все даст. А сам втолкнул в казарму к диким оркам. Я не пошел, Гранту сказал, что мне такие женщины не нравятся. Тех женщин Грант потом убил. Задушил. Когда я об этом узнал, то захотел уйти. Но Грант выстрелил в меня шокером, а потом велел диким бить меня. Я лежал несколько часов, потом смог ходить. Дождался, пока дикие снова получают «нирвану», взял стул и отдубасил каждого. Отдубасил не как меня били, а хуже. Одному глаз выбил. Гранту понравилось. Он сказал, чтобы я не жалел их, потому что они – мясо. Мне заплатят, а им – нет. Только тем, кто говорил на федеральном. А если я убью кого, пока учить стану, то не беда: орков много. Если понадобится, их еще привезут. У тех принцев корабли есть, и они уже должны скоро прийти, с новыми дикими орками. Их много должно быть, тысяча, две.

Утром я стал делать вид, что учу их. Я кричал на диких, а если они плохо слушались, я сразу – кулаком в нос. Грант думает, что так все сержанты новобранцев учат, он в армии не служил и ничего не понимает. Был такой довольный, что нарочно для меня отдельную женщину привел, тоже человеческую, тоже пьяную, но не очень старую. Я дал ей свою «нирвану», которую так и не пил, она выпила и уснула как мертвая, а я вышел из комнаты и притворился довольным. Так мы стали жить. Грант привык, что я не бунтую и делаю все как он скажет, перестал следить за мной, когда я хожу по дому. Я дождался, пока он совсем потеряет бдительность. И пока орки в казарме были с женщинами, а Грант меня не видел, я нашел один выход, выбрался в сад и перелез через забор. За мной погнались, но я же быстрый. Я ушел.

Я знаю жизнь и потому не пошел на космодром сразу. Я побежал в Китайский квартал. Орки могут долго бежать, день могут. Я прибежал, зашел на рынок, в притон, поговорил с одним китайцем, я не помню его имени, но могу показать. Я объяснил ему, что мне надо скрыться, но не от полиции. Тогда он поручил мне охранять его груз на Эверест. И я улетел с Таниры, совсем не покупая билет, и Грант не узнал, куда я лечу. Здесь я спрятался у друзей из трибы Та. Они рассказали мне про вас и про то, что вы спрашивали про диких орков. Вот, я рассказал вам, что знаю».

Выслушав его рассказ, я сказала:

– Вы упомянули, что ходили в разведку.

– Да. Не один, конечно, с людьми. Меня брали, потому что только орки умеют подкрадываться совсем бесшумно и снимать часовых так, что они вздохнуть не успевают.

– Проверим, чему вы научились в разведке.

И я стала задавать вопросы. Много. На столике между нами появилась пластиковая бумага, на которой Шон Ти нарисовал план дома Гранта, под картой красовалась его собственноручная подпись. Память у него была очень хорошая, он дал четкие приметы «тех двоих» и Гранта. Орки, как и эльфы, охотники, наблюдательность у них на высоте. Надо только уметь спрашивать, чтобы орк вспомнил даже то, на что не обратил внимания.

Дикие орки были поголовно горными, очень молодыми и крупными, семнадцать сплошь черной масти, четверо сильно крапчатые, практически тигровой масти, остальные бурые. Трое предпочитали ходить на четвереньках, что служило поводом для насмешек: нормальный дикий орк на четырех костях только бегают или прыгает, а ходит все-таки прямо.

Грант, как я и думала, в доме жил не один. Еще была приходящая оркушка («Красивая, – мечтательно сказал Шон Ти. – Я не хочу давать слово оркушке, дети будут глупые, у меня была жена индианка, есть дочь, она в индейской деревне растет. Когда найду работу, снова женюсь на индианке. Из них получаются хорошие жены для солидных орков. И дети красивые и умные. Но та девушка была очень красивая»). По его словам, Грант предложил один раз привести ту оркушку в комнату Шона Ти. Но тот заметил, что девушка носит колечко, какое надевают оркушки, если замужем за человеком. Значит, она уже кому-то дала слово, и неважно, что ее мужчина другой крови, – оркушки очень независимы и если принимают решение, то не

меняют его. В доме оркушка готовила еду для казармы, стирала белье. Еще она приносила Гранту «нирвану» для диких.

– Точно она?

– Да, – сказал Шон Ти. – Я видел, как она отдавала ему коробку, из которой он потом доставал наркотик.

– Может, в этой коробке изначально было что-то другое, а потом Грант использовал ее как хранилище?

– Нет. Она приносила маленькие коробки, на один день. Каждый день. Это всегда были разные коробки.

Я выбрала из досье фотографии Дирги Та, показала:

– Похожа?

Шон Ти долго вглядывался, потом уверенно сказал:

– Она. – Помолчал и добавил, показав пальцем на свою левую бровь: – Седина. Очень заметная. Она молодая, оркушки так рано не седеют. Еще у нее должен быть широкий шрам на животе. Однажды она убиралась на кухне и разделась, на ней были только две повязки – на груди и бедрах. И я увидел шрам. Я не спрашивал, я вообще не разговаривал с ней. Это неприлично: знакомиться с девушкой, которая носит колечко, если у тебя нет к ней дела. Кто она?

– Шон Ти, я не могу сказать вам этого. Если вам придется давать показания в суде, вы не должны говорить ничего, кроме того, что видели и слышали сами. Мои слова могут повлиять на ваши размышления...

– Да, понимаю, – согласился орк. – Так бывает. Когда знаешь не все, додумываешь. Хорошо, я не буду спрашивать про нее.

Еще в доме жил эльф. Он ходил в человеческой одежде, ни с кем не разговаривал, целыми днями пропадал на чердаке. Шон Ти подозревал, что эльф – стрелок, снайпер. Однажды он слышал, как Грант ругал эльфа за то, что тот тайком пробрался на кухню и украл бутылку вина. Напился, конечно. Эльфы – пьяницы почти все. Шон Ти слышал, как Грант называл эльфа Лаком. Когда Шон Ти собрался бежать, то позаботился, чтобы эльф не выстрелил ему в спину. Он попросил, чтобы Грант дал ему вечером виски вместо «нирваны», и Грант принес большую бутылку. Шон Ти поднялся на чердак, открыл эту бутылку и поставил ее под самый люк: у эльфов чутье хорошее, унюхает. Через час он снова поднялся, проверил. Люк был открыт, а эльф налакался и спал. Шон Ти увидел у него винтовку и пистолет, братъ не стал – мало ли кого эльф убил из этого оружия?

– Те двое, с кем вы говорили, что-нибудь рассказывали про корабли и ваших соотечественников, которые должны прилететь?

– Мало. Они ведь дикие, что они понимают? Когда описываешь, чего никогда не видел, чепуха получается. Но я кое-что понял. Два корабля, они постоянно ходят. Большой и маленький. Орков берут осторожно, помалу. Их немного учат, как бы цивилизуют, и потом продают в мафию. Мафии хорошо, потому что можно подослать орков убить кого-то, и кто подумает на мафию? Орки вечно кого-то убивают, просто так, за плохое слово. Те двое задержались, потому что хозяева захотели собрать свою армию из орков, и им нужны были переводчики и надзиратели. Те двое сказали, что орков берут так: ловят сетями, сразу дают много «нирваны», потом связывают и по одному кладут в большие коробки с толстыми стенами, в стенах дырочки для дыхания. На корабле орков не выпускают, даже по надобности. Их кормят через трубку и в воду всегда подмешивают «нирвану». Орки прилетают все загаженные, им стыдно, чтобы не было стыдно, они снова пьют «нирвану». Тогда они во всем покорны хозяину. Их привозят, в коробках прямо, в город, складывают где-то в большой комнате – те двое через дырочки в стенках видели, – потом ночью тайком грузят в машины понемногу и привозят к Гранту. Но так

можно привезти двадцать орков, ну полсотни. Если тысяча, их перевозить придется неделю. И они не поместятся в доме у Гранта. Их где-то в другом месте держат.

– Если привезли.

– Думаю, что привезли. Те двое сказали мне, что скоро уже должны прилететь, неделя, две. Это было два месяца назад.

Я скептически прищурилась:

– Шон Ти, вы же служили в армии. Положим, Грант не лгал, и диких орков действительно дрессируют для захвата планеты. Но вы же должны понимать: с двумя кораблями и даже десятью тысячами орков планету не взять.

– О чем и речь, – согласился Шон Ти. – Я говорил с Грантом. Он тоже любит выпить. Но я орк, я могу выпить намного больше и почти не опьянеть. Я притворился пьяным. Он поверил. А еще я сержант, я умею говорить. Я был сержантом не только для орков, но и для людей. Солдат – он простой. Ему нужно, чтобы командир был строгим, но внимательным. Чтобы спросил, если солдату грустно, – что с тобой, парень, расскажи, я помогу. Солдаты мужчины, они трудно говорят, думают, это слабость. Сержант должен уметь спросить так, чтобы солдату захотелось рассказать о себе. И я так поговорил с Грантом. Я же видел, что он недоволен. Он командир только для диких орков, а хозяева к нему как к собаке беспородной. Прими-подай-пошелвон. И я ему сказал: Грант, я десять лет служил в армии. Там, за Ядром, все не так, как показывают в федеральных новостях. Людям говорят, там просто с транспортом плохо, а вообще жить можно, только близ Фронтира опасно, потому что диссида ходит... А я там служил. Там нигде не бывает спокойно. И диссида ходит не всякая. Все боятся Шанхая, потому что он большой, там император и много бедных китайцев, которые ужасно хотят есть, и они делают все, что прикажет император. Прикажет переть буром на пушки – попрут. Но я-то знаю. Император Шанхая старый, ему ничего не хочется. Сын у него молодой, его заботит, чтобы не сломать ногти на ногах, потому что императору нельзя стричь ногти, это позор, если ноготь короткий. Еще его заботит, чтобы все кланялись. Он не смотрит на Землю, делает вид, что ее не существует, потому что на Земле над ним все будут смеяться – дурак какой-то, даже ногти постричь не умеет. Поэтому Шанхай никуда не ходит. Только туда, где люди объявили свою колонию ничьей территорией. Тогда туда мигом насыпается десять миллионов голодных китайцев, которые говорят: раз ничья, нам можно тут брать что захотим. А вообще на Диком Западе так: есть наш фронт против Шанхая, там следят, чтобы китайцы не ходили к нам и не воровали что плохо лежит. А дальше стоит кордон шанхайского императора, который тоже следит, чтобы китайцы к нам не ходили. А то они сходят, насмотрятся, как мы свободно живем, и тоже так захотят. Они горбатятся и получают плюшку риса в день. А у нас, если кто горбатится, имеет свой дом, машину и федеральную пенсию. И дети у него в колледже. А у китайцев так: совсем бедным нельзя учить грамоту, кто заслужит – тому разрешают, чтоб дети немного научились читать, если они заслужат – их детям можно будет уже читать, писать и считать. И так далее, пока дальние потомки не станут чиновниками. Тогда им можно все. Каждый китаец хочет быть чиновником, но не хочет воевать с Землей – если его на войне убьют, как же он станет чиновником? Еще есть Куашнара. Куашнара вообще никуда не ходит, никогда. У нее с одной стороны Шанхай, с другой Эльдорадо, а в тылу индейцы на Саттанге. Она всех боится и хочет, чтобы Земля ее защитила, но под себя не подгробала. На самом деле Куашнара почти не боится Шанхая, у них даже общий торговый порт есть, единственный, через который Шанхай с внешним миром общается, и еще Куашнара совсем не боится индейцев. А чего их бояться, у них же своих кораблей нет, да и аномалия там эта, особо не разлетишься. Вот кого стоит бояться, так это Эльдорадо. В Эльдорадо хунта и диктатор. В диктаторы там всегда выбирают чокнутых. И та диссида, про которую все говорят, она лезет только из Эльдорадо. Там все расисты, садисты и фашисты. И туда даже наша разведка боится соваться.

Я слушала и старалась не улыбаться. Была я в Эльдорадо... шестнадцать раз. За год. Так что насчет «боится соваться» Шон Ти сильно погорячился.

– Я сказал это Гранту, чтобы он понял. И спросил: Грант, если бы там была только Эльдорадо, зачем нам такая большая армия? Флот там нужен, да. Чтобы корабли диссидентские сбивать. Но зачем нам десант, штурмовая пехота, атмосферная авиация, артиллерия? Зачем нам тактическая разведка? Зачем нам много разных родов войск, если официально враг – только Эльдорадо, и нам надо защищаться от его вторжения, но сами мы к нему не вторгаемся? Зачем нам военные базы не только по Фронтиру, а повсюду, в каждом штате, начиная с четвертого радиуса? Зачем мы производим столько оружия и постоянно совершенствуем его? Грант подумал и ответил, что от пиратов. Тогда я рассказал ему, кто такие пираты и откуда они берутся. И что на самом деле происходит за Ядром, и о чем в новостях никогда не пишут. А там как – надежные только те колонии, которые рядом с военными базами. Потому что знают: если выключишь – тебе мигом прилетит. А остальные глядят волками и камень за пазухой всегда держат. Земля далеко, транспорта нет, а на любой жилой планете вдосталь всего, чтобы свободно развиваться. Человечество же во времена Адама и Евы как-то выжило. И люди нет-нет да и подумают: на фига нам платить ваши налоги, блюсти ваши законы, кормить вашу армию и вообще жить по вашей указке? Будем-ка мы сами по себе. Тогда они вешают федералов на фонарях и устанавливают свои законы. Вот для этого армия и нужна: чтобы подавить такой бунт. Потому что кто не с нами, тот против нас. А транспортные пути слабые, иной раз одна колония взбунтуется – и маршрут на Тварь перекрыт, и наш Фронтир отсечен, оказывается между Эльдорадо и мятежниками. Но это не все. Мятежникам нужно оружие, чтобы отстоять свою независимость, и нужны всякие земные ништяки, которые они на самом деле не хотят терять. Поэтому они снаряжают корабли и идут грабить. Вот это и есть пираты. За Ядром война идет постоянно. То с диссидой, то с нашими. И я за десять лет все это видел. Я четырнадцать мятежей видел. Все подавили. И я знаю, как надо захватывать планету. Я сказал Гранту: планета – это тебе не голая пьяная женщина, подходи и бери. Для начала к планете нельзя подойти незаметно, тебя видно издали, потому что космос холодный, а корабль горячий. И пока ты долетишь, там уже все про тебя узнают – и на чем летишь, и какой ущерб можешь нанести, и как тебя ловчее сбить. Жилые планеты всегда внутри системы, а снаружи стоят оборонные кольца. Хоть плохонькие. Если их там нет, тогда они есть на орбите или спутнике планеты, или в поясе астероидов, если он есть. На орбитальном космодроме есть пушки, всегда. Плохонькая станция, оборонная, она снесет за полчаса флот из ста грузовиков. Если ее подавить, надо еще высадиться. Пока ты высаживаешься, ты – мишень для всех орудий на поверхности. Но и когда ты высадишься, ты не победил. Потому что тебе надо кушать и спать. Тебе должны подвозить еду, воду, боеприпасы, лекарства от ран и смену. Ты не можешь сразу положиться на местные ресурсы, какое-то время ты зависишь от снабжения. Чтобы твое снабжение не сбили на лету, ты должен подавить огневые точки на поверхности. Они есть, везде есть. Даже здесь, на Эвересте, есть. И на Танире, которая курорт, есть. Где стоят, я не в курсе, это военная тайна, но должны быть. Они законсервированы, но комендант знает код, и по тревоге все посты развернутся автоматом.

Я не возражала. Две такие точки на Танире я знала: одна в холмах, отделявших Китайский квартал от Сити, одна, естественно, в пяти километрах от космодрома. Кстати, ставили их грамотно. Не была бы я разведчиком, не обнаружила бы.

– И я спросил Гранта: он верит, что с нашими силами можно захватить планету? Добро бы пятый-шестой радиус, но там и захватывать не надо, много свободных, приходи и селись. Только тамошние частники принцами не считаются. А если надо захватить планету ближе Ядра, то она с зубами. Грант совсем опьянел и проболтался: у хозяина есть коды, так что высадиться мы сможем. Там главное на поверхности всех лишних вырезать. Для этого и нужны орки. Он не говорил конкретных названий, не знал сам. Но планета эта где-то поблизости. И народу на ней много. Наша задача – подавить сопротивление и уничтожить всех, кто вла-

деет планетой сейчас, а когда придет армия, хозяин представит свои документы, и по ним выйдет, что никаких других владельцев не было, а он просто подавлял мятеж. Я спросил, сколько народу. А там десять миллионов или больше. Да не хватит орков на это! И двух кораблей! Тогда Грант сказал, что будут люди-роботы, эти, запрещенные. Андроиды. Скоро привезут оборудование, и их будут делать прямо на Танире. И корабли еще есть, только в ангаре, их пока нельзя поднять, все сразу поймут. Сначала надо будет на Танире власть захватить. Тогда придут еще корабли, привезут оружие. Тут я понял, что, если не изображу радость, Грант заподозрит дурное. Я сказал, что для захвата Таниры надо совсем немного, и стал строить планы. Грант обещал все передать хозяевам, наверное, от своего имени, чтобы выслужиться. Пускай. Я нарочно самые глупые планы предложил. И я сказал Гранту: хорошо, что ты разъяснил мне, теперь я знаю, как учить диких орков. Раз будут андроиды, значит, орки нужны для первого удара и для запугивания. Их не надо учить настоящему военному искусству. К тому же слишком хорошо выученные орки опасны. Им покажется, что «нирваны» недодали, и они против хозяев пойдут. Или требовать начнут слишком много. А еще их надо учить так, чтобы никто не заподозрил – основную работу сделают андроиды. Ведь хозяин, даже с документами, по закону не может подавлять мятеж андроидами, они в любом случае запрещены, даже на Фронтире. Его за это в тюрьму посадят, а нам же надо, чтобы он благоденствовал? Поэтому я обучу орков так, чтобы прошли они и андроиды, и все запомнили бы только орков. Про андроидов тогда никто не узнает. Гранту это понравилось, он сказал, что я неплох, когда не умничаю. Ну вот. А через три дня я сбежал. Перелез сначала к соседу, там можно, а потом на улицу.

Планами Шон Ти поделился и со мной. Да уж. Чтобы поверить в успех такого, надо родиться безнадежно гражданским человеком, напрочь к тому же лишенным инженерного чувства. Но для обывателя – в самый раз.

– Прекрасно, Шон Ти. Так какая помощь вам нужна? Убежище, где-то отсидеться, пока Гранта с его хозяевами полиция не повяжет?

– Да нет, не боюсь я их. Они думают, я до сих пор на Танире. Я ведь подготовился к побегу. Стал Гранту говорить, что мне те двое не нравятся. Мол, они много знают, а шунтов и чипов им не дают, поэтому они подозревают, что им не заплатят. Ну зачем платить тому, о ком никто не знает, что он есть? Это меня нельзя просто убить и в канализацию спустить, я с чипом и даже гражданин, меня государство искать будет, потому что я налоги плачу, и пенсия мне начисляется, и если я вдруг исчезну, люди должны будут сказать, где я, им же отчеты составлять. А про этих двоих никто не узнает. И я думаю, сказал Гранту, что они хотят сбежать. В полицию пойти. Грант сказал, что они не дойдут до полиции, потому что орки. Орки всегда шумные. Они захотят выпить, а чипа нет и денег нет, они попробуют отнять спиртное. Кто-нибудь напишет о том в новостях. Грант целыми днями новости читает. Чтобы знать, кто где. Я тоже читаю. Вот, прочитал вчера в новостях, что вы на Эверест прилетели, вас видели и опознали, и решил позвонить утром. Когда еще такой удобный случай представится? А мне Грант сказал, что я тоже убежать не смогу, даром что гражданин. Потому что около управления полиции есть место удобное, чтобы оттуда расстрелять любого, кто пойдет. И с планеты убежать, чтобы в другом месте донести, я не сумею. У Гранта подруга на космодроме работает, она там главный оператор на пассажиропотоке. Всегда знает, кто прилетел или улетел. И есть один человек, на грузовом отделе, он посменно работает, так что грузы контролирует. Даже про частников узнать можно, потому что та подруга – она же доступ к информации имеет, видит, чьи корабли прилетели или улетели. Понятно, что всех людей, кто на частных кораблях, она поименно не назовет, к рамкам у нее доступа нет, то есть таким путем скрыться можно – если есть знакомые. У меня все равно знакомых нет. Я рискнул через грузовой, потому что подумал: Грант ведь решит, что я испугался, никуда не полетел и залег на дно. Кому придет в голову досматривать корабли с китайским грузом? С ними даже орк, если у него репутация есть, не полетит. А я полетел. Здесь у Гранта знакомых нет, я могу лететь куда захочу.

– Тогда я слушаю вас, говорите, чего хотите.

– Грант читает новости, много. И я думаю: как мне теперь работу искать? Если я дам объявление, он же прочтет его и меня найдет. А я не знаю, насколько длинные руки у его хозяина. И вот мне в голову пришло: у вас много разных знакомых. Я про вас читал, вчера, у вас и муж был из благородных. Не могли бы вы спросить кого-нибудь из них, вдруг им нужен орк на службу? Вот, – он положил передо мной карточку. – Мое резюме. И рекомендации от офицеров, под началом которых я служил.

Я взяла. И весьма внимательно просмотрела. Рекомендации будь здоров. Я даже поймала себя на мысли: вот с таким напарником я Даймона возьму тепленьким. Ну ни черта он не сможет сделать против капитана тактической разведки в паре с отлично обученным орком-квартироном. Пускай он ловкий и меткий, мы с ним не будем в этом соревноваться, мы его просто облапошим. Но...

Но я не Макс, у которого тормозов нет и весь мир должен плясать под его дудку. У меня есть совесть. Я не имею права привлекать к расследованию посторонних. Пусть даже Шон Ти опытный и подготовленный. Но у него нет лицензии, нет оружия, и с точки зрения закона он, взяв Даймона, будет таким же преступником. А если его убьют, то вина – целиком моя. Я-то знаю, на что иду. Я на зарплате. А он – действительно посторонний. Поэтому работать я буду одна. И если пойму, что Даймона сама взять не могу, – отступлю.

Шон Ти ждал моего ответа. Я знала, что он не лжет и это не засланец с подделанным чипом – хотя от банды следовало бы ждать такого подарочка. Но ради вящей уверенности я принялась расспрашивать его о службе в армии. Об офицерах, о солдатах, о некоторых событиях... Шон Ти отвечал охотно, потом – с некоторым удивлением: не ожидал от меня подобной осведомленности и общей компетенции по военным вопросам.

– Вы хорошо ведете собеседование, – сказал он. – Не как гражданское лицо. Все реалии знаете. Ваш муж служил в армии и вы жили с ним на базе?

– Сама служила, – ответила я.

Шон Ти покивал – совершенно человеческий жест. Я добила:

– И не в спокойном секторе. На Фронтире. У генерала Лайона Маккинби. Тактическая разведка.

– О! – у Шона Ти округлились глаза. – Так вы – хоббит?

Я невольно рассмеялась.

– У нас в полку был хоббит, – с уважением сказал Шон Ти. – Настоящий, с тапочками. С Земли. Майкл Дин. Это он учил меня ходить в разведку. Потом он ушел на пенсию.

Черт, что же с ним делать? С одной стороны,строенную паранойю никто не отменял, а с другой – если не врет, то ценнейший свидетель, надо бы его спрятать. Поэтому я быстро написала отцу, а в ожидании ответа продолжала расспрашивать Шона Ти. Про привычки, увлечения, семью...

Папа ответил быстро и текстом: «Давай примем, на месте разберемся. Ты совсем совесть потеряла, хоть бы матери изредка звонила, про себя я уж молчу. Не забудь, что ждем на Рождество». «Папа, – мигом написала я, – мне уже шеф ультиматум поставил. Я не поехала с ним на свадьбу его сестры, он обиделся и требует, чтобы я поехала на Рождество в Шотландию». Папа не растерялся: «Прекрасно. На обратном пути заезжайте к нам вдвоем». Я мысленно посмеялась: у меня семья простая. Подумаешь, босс. Подумаешь, звездный принц. Заезжайте к нам на ранчо, чё, погуляем.

Но мне их простота нравилась. Да и Август как-то обмолвился, что в древние времена сословие английских йоменов – которому примерно соответствует моя семья – было весьма уважаемым и в их домах, бывало, останавливались путешествующие короли.

– Поступим так, Шон Ти, – сказала я, быстренько записывая на карточку координаты. – Вы поедете на Арканзас. Колония очень белая и очень расистская, но, если пришелец военный

или не собирается жениться на человечке, к нему отнесутся так, как он заслуживает. На Арканзасе обратитесь к Джулиану Слонику. Это очень известный там человек, да и не только там. Он владелец частной охранной фирмы. Примерно за такого пытался выдать себя Грант, только на Арканзасе все настоящее. У них есть полигон, вас туда свозят и посмотрят на деле, что вы умеете и что у вас получается лучше всего. Исходя из этого, опросят клиентуру, кому такой специалист нужен. У них клиентура обширная, бедных людей нет вовсе. Но в любом случае вы пробудете на Арканзасе до тех пор, пока полиция не разберется с Грантом, потому что можете понадобиться как свидетель. – Я протянула ему карточку. – Пойдет?

– Лучше, чем я надеялся, – сказал Шон Ти.

Потом я оформила его рассказ как показания, дала завизировать. Шон Ти ушел, страшно довольный, с таким видом, словно уже нашел отличную, самого лучшего качества работу. В чем-то так оно и было: если папе он глянется, папа оставит его себе. Будет сдавать в аренду принцам для парадных выходов, командировать телохранителям к дочкам и женам этих принцев, а в промежутках использовать как тренера для молодняка. Ну и как-нибудь еще.

Я отправила все материалы Августу. Через пять минут он позвонил:

– О, ты не спишь. Я подумал, что ты вчера всю ночь ссорилась с Максом, а теперь отсыпаясь.

– Интересно, – опешила я. – Август, ты давно проверялся на предмет телепатии?

– Это не телепатия. Макс звонил мне утром и хотел странного. Я понял, что вы поссорились, но не стал выяснять почему. Хоть совсем поссорьтесь, мне только лучше будет.

– Август, я не знаю, каким местом ты думал, если решил, что твоя афера с Ниной его отвлечет.

– С Ниной Осси? – удивился Август. – Я не собирался отвлекать его Ниной Осси.

– А зачем ты устроил ей концерт на Эвересте?

Август вздохнул:

– Макс, как обычно, решил, что весь мир вертится вокруг него. И у меня нет других забот, кроме как наполнять его жизнь приключениями. Делла, как, по-твоему, я богатый человек?

– Глупый вопрос.

– А богатый человек может сделать экстравагантный, но милый подарок своим близким?

– Конечно.

– Ты знаешь, Алистер Торн мне дядя, но на самом деле как младший брат. Алистер уже два года не живет на Земле, он подписал пятилетний контракт и работает на Фронтире. На Земле он бывает раз в год, и его время расписано поминутно. Но потом он на неделю выбирается на Эверест, где живет мать Кейт, его жены. И Алистер, и Кейт очень любят Нину Осси. Но попасть на ее концерт они не могут чисто физически. Вот я и устроил так, чтобы Нина Осси попала на Эверест и они могли сходить.

– А, то есть Алистер и Кейт сейчас здесь?

– Должны завтра утром прилететь. Если ничего не случится. Но если случится, я что-нибудь придумаю. Если тебе важно знать, я хотел отвлечь его с помощью Алистера. Алистеру есть что сказать Макс. Но события развивались – и развиваются – немного быстрее, мне пришлось задействовать резервный сценарий, он не такой удобный, как основной, из-за этого Алистер задержался и, возможно, задержится еще немного. Потерпишь?

– А мне, как бы помягче сказать, деваться особо некуда.

– Алистер хотел с тобой встретиться, не улетай с Эвереста, пока не поговоришь с ним.

– О чем, ты не в курсе?

– Нет, даже не спросил. Я тоже довольно сильно занят.

– Но ты не на Танире, – предположила я.

– Почему ты так думаешь?

Я поделилась с ним конспирологическими теориями Йена. Август пофыркал и сказал:

– Пьяный инквизитор – наверное, это очень смешно. Но он почти угадал. У меня есть одно важное личное дело на Земле. Так по-дурацки получилось, что когда я был на свадьбе, казалось, оно решится не скоро, поэтому я улетел. А оно решилось, и мне пришлось срочно возвращаться. Я сейчас на Луне, только что прилетел, жду рейса до Земли.

– Между прочим, на танирском космодроме у банды есть осведомитель.

– Пусть. Мне совершенно не страшна наша банда. К тому же я улетел не на лайнере. Алиша Бетар взяла яхту у своего бойфренда и подхватила меня, ей по пути было.

– А яхту ты отправил сюда, потому что она может понадобиться Алистеру?

– У него своя есть. Дед осознал, как виноват, и подарил, почти насильно всучил. Алистер упирался, но Кейт уговорила. Правильно, они ведь почти постоянно живут на Твари, а летать оттуда на Землю с детьми на лайнере – это пытка.

– Ты надолго застрянешь на Земле?

– Как пойдет. Не знаю наверняка. Но закончить банду я смогу и отсюда. Яхту, кстати, я отправил для тебя. Пассажиры дешевых лайнеров, конечно, ценный источник информации, но лучше бы тебе иметь надежный скоростной транспорт под рукой. Пользуйся. Да, и вот что: пока меня нет, распоряжайся «Залией» по своему усмотрению. С такими концами, какие тебе приходится делать на Танире, лучше летать на самолете, чем на машине. Кроме того, самолет безопаснее. Только Макса на ней не катай, я ужасный собственник. Звони, я твой канал отключать не буду, даже когда буду спать.

Ну да. И я со своим «везением» позвоню ему именно тогда, когда он будет спать не один.

– Мой рейс, – сказал Август нетерпеливо. – До встречи.

Мне стало грустно. Некстати вспомнилось, как Макс предрек: Август изменился, у него будут другие приоритеты, и сегодняшнее покажется ему уже не таким важным или даже вовсе незначительным. Так и вышло, даже быстрее, чем Макс предсказывал. Раньше Август ничем не жертвовал ради работы. И его машинки, его любимая коллекция – они стояли на втором месте после профессии. А теперь у него завелись «личные дела» на Земле, и он бросает все остальное, летит очертя голову.

Знаю я, что у него за «личные дела». Джиллиан Фергюсон их зовут. Бедная Эмбер, она так восхищалась Августом... Но мужчины, даже лучшие, не любят скромных девушек. Им подавай таких вот хищниц, чтобы смотрели влажными глазами, предлагали себя при всех. Тогда мужчина чувствует себя победителем, настоящим мачо. Наплевать, что это ложь, что за такой откровенной женской похотью стоит, как правило, циничный расчет – мужчина готов верить, ведь это льстит его самолюбию.

Что он бросил не только Эмбер, но и меня, я старалась не думать. Что – я? Персонал. На контракте, возобновляемом каждый год. До очередного возобновления осталось десять дней. Потом, если Августа задержат «важные личные дела», я автоматом стану безработной. Ничего, я уже не та, что прежде. Я не пропаду. Куда хуже, что с окончанием контракта я теряю все полномочия.

Ладно, надо работать. В конце концов, мой контракт действителен еще десять дней, и этого вполне достаточно, чтобы поймать банду. И лучше заниматься бандой, чем жаловаться на судьбу и невезение.

Все равно никто не услышит этих жалоб.

* * *

Прошло меньше двух дней. Я сидела у себя в номере одна и раскладывала пасьянс «Наполеон». Терпеть его не могу. Зато карты очень приятны на ощупь. Две колоды. Я купила их в люциферянском бутике. Меня заверили, что карты чистые, неиспользованные, незаговоренные и вообще-то самые обычные, просто высокого качества, за счет чего годятся для гадания и магии.

Валет червы... куда его? Ага. Так и живем, Офелия. Ты сама этого хотела. Винить некого. Теперь ты понимаешь, почему в тактическую разведку берут только после срочной службы. За редкими, очень редкими исключениями – вроде тебя. Все твои однокурсницы это знали. Одна ты сунулась – с широко распахнутыми наивными глазами. Талантливая девочка. Мечтала о подвигах и славе. Да какие подвиги в разведке?! Впрочем, нет, не наговаривай. Две медали-то у тебя есть. Были. Вот и не надо было уходить от Лайона Маккинби. Глядишь, сейчас бы до майора уже дослужилась. Но ты ушла за мечтой. Сиди, вкушай. Наслаждайся.

«Здесь свои правила игры». Ты слышала эту фразу тысячу раз и возненавидела на всю жизнь. У тебя уже рефлекс. Как у полицейского, который в любой смерти видит убийство. Там, где люди так говорят, нет государства, а есть один закон – каприз местного князька. И неважно, кто он, этот князек – владелец частной колонии, губернатор или командующий округом. А ты не знала. Ты была лучшей на курсе, лучшей за десять лет. Тебя год облизывали терминаторы Лайона Маккинби. Ты жила как принцесса. И как все дуры-принцессы, ты грезилась о реальной жизни. Ты ее получила. Ты всегда получала именно то, чего хотела на самом деле. А на самом деле ты хотела грязи. Ну, попробуй отмыть ее с себя. Грязь и кровь.

До армии я не бывала дальше четвертого радиуса. Что творится за его пределами, нам в университете не говорили. Ограничивались туманными обмолвками. Кид Тернер однажды сказал мне: «Делла, тебе будет трудно в армии. Характер у тебя неподходящий. Оставь ты эти мечты о нелегальной работе. Давай я пристрою тебя в контрразведку? Там ты приживешься». Я не поняла, о чем он говорит. Почему у меня неподходящий характер? Самый подходящий. И первый год мне было очень даже хорошо. Но потом...

Орк Шон Ти прав: государство заканчивается в четвертом радиусе. Дальше начинается поле боя. До бога высоко, до царя далеко. Каждый сам за себя. Власть – это тот, у кого есть оружие и наглость. Там даже федералы ходят на цыпочках. Потому что надерзишь такому региональному барону, а потом твой корабль диссида уничтожит. И бесполезно спрашивать, что диссида забыла в пятом радиусе. Главное, не докажешь ничего. Иди ищи обломки корабля в космосе, когда они уже остыли, ага, исследуй место преступления. Можешь еще попробовать доказать, что вот эта колония вовсе не бунтовала, она всего лишь отказалась платить дань командующему округом.

За Ядром все зависело от того, есть ли совесть у командующего. Совесть есть – люди будут жить как люди. Совесть была у Лайона Маккинби. Еще у Шумова. Все, пожалуй. Лайон вызвал меня к себе, едва я прибыла на базу, и объяснил кое-что. «Делла, – сказал он, – здесь все возят контрабанду. Вообще все. Я не получаю ни гроша с оборота. Но и не запрещаю. Здесь нет другого надежного транспорта, кроме военных кораблей. Иногда я буду посылать тебя на экскурсию. Вон, с мужем». Я поняла. В этом был смысл, потому что грамотно поставленная контрабанда заменяет патрулирование и располагает к себе население. У Лайона Маккинби не было бунтов в округе. А я с удовольствием каталась на «экскурсии», то бишь инспектировала колонии.

У Энстона совести не было. Поэтому весь округ жил как деревня под властью деспотичного мафиозного дона. Энстон не уважал никого и ничего, даже свою свиту. Энстону нравилась вседозволенность. При этом он считался куда более надежным, чем генерал Мимору из соседнего округа. У Мимору вечно и диссида проскакивала, и бунты какие-то были... А у Энстона была самая высокая безвозвратная убыль личного состава. Ничего удивительного – ближе всех к Эльдорадо. Это уже фронт, а не Фронтир. Энстон собирал дань с колоний, его подчиненные брали взятки и воровали из бюджета, а если приходил приказ «навести порядок» в какой-то колонии, то никто не спрашивал – она бунтует или просто дань пора увеличивать?

Люди терпели. А куда деваться? До цивилизации добираться месяц. Этим все сказано. Государство – тот, у кого есть сила. Твою смерть расследуют... наверное. Лет через пятьдесят. Потому что ты в восьмом радиусе, а бардак еще в пятом не разгребли. Забудь, что написано

в Конституции. Лучше выучи наизусть, что командующий всегда прав. Особенно если ты – гражданское лицо. У военнотружущего есть слабая надежда на контрразведку, а ты беззащитен. Потому что твоя полиция точно так же боится командующего.

И в такую клоаку я попросилась добровольно.

Честно говоря, я надеялась на «личный» фактор. Макс все-таки князь, и он полетел со мной. Я не учла, что Энстону плевать, кто князь в той половине Галактики, потому что в своем округе он – король. Ну что ему мог сделать Макс? Да ничего. Не та весовая категория. Коменданту базы «Антуан» Макс еще мог угрожать, тот привычно юлил и преданно заглядывал в глаза. Но притом с притворным огорчением «обнаружил», что мы с Максом в разводе и он вообще тут посторонний, поэтому доступа на территорию базы иметь не должен. Однако из «уважения» к княжескому достоинству (пересрал, что Энстон может подумать, будто комендант ставит себя выше принцев) пообещал давать мне увольнительные между миссиями, чтобы я жила в городе с Максом. Давал. По целых три дня. Все честно. Я больше чем три-четыре дня свободна и не была, остальное время готовилась к новой миссии.

Я думала, та история закончилась. Как страшный сон.

Наверное, я снова сплю. Потому что она продолжалась.

Август молчит как партизан. Ни одного ответа на мои сообщения. Сообщения проходят, значит, чип действует. То есть Август живой. Если бы в госпиталь попал, мне бы позвонили. Обязательно. У него на чипе пометка. Как и у меня. Просто не хочет отвечать. У него там важные личные дела. Неотложные. А мне нужны инструкции, черт подери!

Ничего, Офелия. Тебя готовили для длительной одиночной работы в глубоком тылу противника. Вот и работай. Ты умеешь.

Проклятье. Если Август не прорежется до полуночи, мне придется сдавать Зелинского Йену. Не хочется. Но придется.

Пасьянс не сошелся. Четвертый раз подряд. А концерт Нины Осси идет уже двадцать минут. Я не пошла. Не хочу никого видеть, особенно Макса. Да, я разведчик. Но не робот. Даже самому стойкому разведчику иногда бывает трудно. Черт, как мне нужна поддержка. Но ее не будет. Ее никогда не бывает, когда она мне нужна.

На столике рядом с картами лежал пистолет. С патроном в стволе. Так, на всякий случай. С другой стороны – конверт. Конверт от Даймона. С очередным чипом, на этот раз на имя Джейкоба Бирмы. Отработал и мне послал. Блин, нашел родственную душу. Впрочем, работа у нас была одинаковая. У меня чуть больше разнообразия, у него – чуть больше шансов уйти живым.

Куда же все-таки запропастился Август... Даймон и то общительней, чем мой босс. Мой босс на ближайшие восемь дней, ха-ха. Время течет, через восемь суток с небольшим истекают мои полномочия. И что, я зря все это делала? Зря получила по заднице, будто она у меня казенная, зря подставилась под пули эльфийского снайпера, зря парилась в гадючнике «лайнера» «Кангу – Эверест»? Нет, Офелия, не зря. За деньги. Которые ты получишь при окончательном расчете. А остальное тебя не касается. Тебя нанимали бегать по приказу шефа, а не пылать высокими чувствами и радеть за справедливость и закон. Так что забудь. Если босс сочтет, что работу завершать не нужно или он справится без тебя, – тебя это не касается.

Самое паршивое, что делать мне тут больше нечего. Надо дожидаться Алистера Торна. Алистер должен был пойти на концерт Нины Осси. Возможно, заглянет ближе к полуночи. Тогда можно возвращаться.

Опять пасьянс не сошелся. Пятый раз. Это карты люциферянские такие, не иначе.

Люциферяне оказались забавными. Нине Осси понравились бы. Я не люблю, когда люди играют в преисподнюю, но моего мнения никто не спрашивал. Люди имеют право жить как хотят – в рамках закона. Да и вообще, если честно, они забавны, но глуповаты. Верховная Жрица только хороша. Умная, практичная стерва. Не удивлюсь, если она по воскресеньям

ходит в христианскую церковь. А что? Между прочим, устав люциферьянской церкви не запрещает двоеверие. Такой вот парадокс.

Я приехала к ней вчера. Около офиса штаб-квартиры меня встретил толстый парень лет шестнадцати, проводил в приемную Верховной Жрицы. Ко мне вышла высокая, очень тонкая женщина чуть старше меня. С первого взгляда было видно, что ее растили для карьеры модели – на таблетках. Одета она была в джинсы, мужскую толстовку и сабо на босу ногу.

– Привет, – сказала она, – я Лючия. Алкоголя у меня нет, я не пью, могу предложить чай, кофе, сок. И вот что: мы с тобой две состоявшиеся женщины, нам незачем доказывать, что мы уважаем друг друга, так что, может, на фиг эти ритуальные раскланивания? Давай на «ты».

Потом мы сидели, пили чай с маленькими печеньками и болтали.

– Пожрать люблю – ты не представляешь как, – жаловалась Лючия. – А пожрать не могу толком, – она похлопала себя по провалившемуся животу. – Видишь, да? Я седьмая подряд дочь в семье. Папаша поглядел и сказал – пусть таблетки жрет, потом в арт-сопровождение. Хоть бабла зашибет. В арт-сопровождение я даже не совалась. С четырнадцати лет в Церкви, ну, к счастью, у меня от таблеток только кишечник атрофировался, не мозги. Так что благодаря папе у меня почти нет кишок, желудок с наперсток, женские органы – у лягушки и то больше и теплее, – но бабла я таки зашибла. Своих детей у меня нет и не будет, но это не проблема – вон, сестры постарались, аж девять штук племянников и племянниц, один жаднее другого. Я их вижу, только когда им деньги нужны.

Она весело смеялась и курила.

– Церковь так выгодна?

Лючия пожала тонкими плечами:

– За любой сектой стоит бизнес. Всегда. Если секта солидная, со статусом Церкви и легальным положением, – то бизнес идет лучше. Мне на Эвересте один конкурент – лорд Джимми Рассел. Но я себя ловко поставила: он остальных конкурентов выживает. Меня сильно не любит. Знаешь, меня всегда смешили люди, которые серьезно относятся к религии. Нет, не к своей – это их дело, я никому не запрещаю веровать как им надо. К моей. Всем кажется, что я прямо-таки демон, из ада восставший, и младенцев по ночам ем. Да я до сих пор даже ни одного из своих племянников не укусила, хотя достали уже до печенки. Бизнес есть бизнес, я никогда не скрывала, что Церковь – это только прикрытие. Вот этого Джимми понять и не может. Он вообще со странностями. Не, чисто по-женски он мне нравится. И даже эта его эльфийская беспощадность импонирует... Знаешь, что эльфы напрочь лишены жалости, сострадания и совести? Вот так. У них это привнесенное. Они изображают, потому что так положено в обществе.

– Строго говоря, три четверти людей такие же.

– Три четверти, скажешь тоже... девяносто процентов! Эльф знает только задачу. Ноль рефлексии, ноль эмоций. Но при этом Джимми не размажет женщину. Потому что в обществе не поймут. Он сам, наверное, верит, что жалеет меня. А я издеваюсь. Как встречаемся, я его демонстративно соблазнить пытаюсь. Ну то есть не пытаюсь, изображаю. Он теряется. Я неправильная с его точки зрения, но инстинкты-то никуда не делись! Так и живем... Слушай, открой секрет: чем ты купила Сержа Чекконе? Потому что он, между нами, непробиваемый. Мы, главы больших сатанинских церквей, друг дружку все знаем, конечно, встречаемся регулярно, у нас свои конвенты есть... сначала кто-то пытался обозвать их шабашами, обставить по традиции. Толку, как обычно, – все перепились еще до начала и на представление не пришли. Так вот, к чему это я, – Серж не пьет. Вообще. Он единственный из наших, кто не пьет и не курит. Парень замечательный, умный, если на конvente надерешься, то достаточно уснуть у него под мышкой, чтобы не было эксцессов. И с посторонними Серж не откровенничает. Тут он мне звонит и говорит – приедет Делла Берг, я дал ей твой контакт. И все. Первый раз за ним такое. Я не против, мне вообще эта секретность по барабану, но интересно – чем расколола?

Я налила себе еще чаю. Вспомнила, что у меня в отеле в номере был такой же. Уж не чайный ли у Люции бизнес?

– А я пригрозила ему, что тогда с ним будет разговаривать Маккинби.

– О! – Люция распахнула глаза и расхохоталась. – Маккинби – это сильно! А ты откуда его знаешь?

– Я у него работаю.

– Погоди. То есть ты монашка? А чего в цивильном?

– Почему я должна быть монашкой?

– Ну потому что Скотт Маккинби-младший вообще-то монах.

Настала моя очередь смеяться. До меня дошло, чего на самом деле испугался Сержио.

– Да не он. Я на его старшего брата работаю.

– У него еще и брат есть? – искренне удивилась Люция. – Не, я знаю, что он из серьезной семьи, но... Или брат не родной?

– Родной. И сестра есть.

– Фантастика. Кто бы мог подумать.

– А ты откуда Скотта знаешь?

– Пф. Как откуда я знаю человека, который официально контролирует мою религиозную, блин, деятельность? Хотя его и так все знали бы. Самый молодой доминиканский приор за всю историю ордена. Ну и, как водится, инквизитор. У меня с ним разговор феноменальный состоялся, при знакомстве. Я: Скотт, нет у меня никакой религиозной деятельности, мне крыша для бизнеса нужна была. Скотт: вижу. Интересно, как это он разглядел при первой встрече? Я его еще спросила: Скотт, а ты девственник? Он мне точно так же, бесстрастно – да, конечно. И все. Потом, с год назад, приезжал с проверкой. Прошел по храму, на картину одну показал, говорит – это уберите с глаз долой, призыв к экстремизму. И уехал. Причем, ты знаешь, никто не помнит случая, чтобы Скотт реально применил власть, но все его на каком-то поджирочном уровне боятся.

– И ты?

– А я особенная, что ли? Из наших с ним только Серж бодался. Наверное, с перепугу. Скотт его походя размазал, Серж до сих пор вздрагивает. Причем там ничего серьезного, диспут, кажется, был. Серж с тех пор уверен, что все мелкие неприятности – это происки католиков. Но это он так с воображаемым Скоттом спорит. А брат его кто?

– Тоже инквизитор, только светский.

– Понятно. Это семейное, – обреченно сказала Люция. – Тоже девственник?

– Да нет, с чего бы.

– Ладно, – Люция отодвинула чашку и притянула поближе пепельницу. – Так что тебе из-под меня надо?

– Твой прихожанин. Луис Алонсо Нуньес де Вега.

– А! Луисик. Знаю, конечно. Совершенно очаровательный раздолбай. Из богатой семьи, к жизни относится правильно. Знаешь, у нас вообще-то поощряется жажда удовольствий, и Луисик себе ни в чем не отказывает. Но обычно такими людьми брезгуют, а Луисика любят. Он безобидный. С женщинами чертовски галантен. По-моему, перетрахал в Церкви уже всех, кроме меня. Парней тоже. А он такой, ему важны эмоции, а пол – второстепенен. По большому счету, молодой дурак, дураком и останется. Вот его брат – тот башковитый, а Луисик никогда не поумнеет. Притом я что хочу сказать: по-человечески я его где-то даже люблю. Добрый, не жадный, не завистливый. Деньжат подкинуть может.

– Он с кем-то особенно дружит?

– У, – Люция помрачнела. – Дружит. Меня от этой его дружбы корежит. Нашел себе ханжу с высокими идеалами. Я, в принципе, никого не контролирую – пришел, ушел, снова пришел. Мы свободная организация. Взносы плати – и можешь не появляться. Перестал пла-

тить – исключаем. Можем снова включить. Все просто. Никто не делает мировой трагедии из-за такой чепухи, как членство. Да и ритуалы. Кто-то магией увлекается, как Луисик. Кто-то Ницше читает. Кто-то на черную свечу медитирует. В общем, юношеское баловство. Недовольны трое: Джимми Рассел, Серж – ему хочется серьезной философии – и этот новый приятель Луисика. Причем он же вообще атеист, ну какое ему дело до нас? Нет, взялся наставлять Луисика на путь истинный. А меня заело. С чего это я буду терять прихожанина, верно? Ну, навела я справки про этого парнишу. Роберт Зелинский, второй курс математического, профессиональный игрок в карты. Нет, не шулер, по крайней мере, доказательств нет. Но практически не проигрывает. Луисик ему в рот смотрит и каждое слово буквально с языка склеивает. Нет, это не любовь. Ну, в сексуальном смысле. Так-то любовь, конечно, самая настоящая. Но без секса. Роберт у нас жутко правильный. На самом деле, как мне шепнули, у него маленький член, поэтому он вообще ни с кем не спит. Короче говоря, одно сплошное уязвленное самолюбие, помноженное на самолюбование. А что случилось-то?

– Луис Алонсо убит.

Лючия побелела.

– Не может быть!

– Посмотри танирские новости.

– Но на Танире-то он что забыл?!

– Это я и хочу спросить у его приятеля.

– Так, – Лючия вскочила, быстренько сбегала в подсобку, стуча деревянными подошвами сабо, вернулась и протянула мне карточку: – Держи. Все, что я собрала на Зелинского. Показания оформлять надо?

– Нет, ты же не свидетель убийства.

Я рассказала ей то, что она и сама могла бы прочесть в новостях. Лючия курила и ужасалась. Услыхав про косой крест на щеке трупа, выдохнула:

– А вот это, Делла, уже настоящие сатанисты. Не то что мы.

– Это не сатанисты, а подонки.

– Кой фиг разница... Послушай, мы настоящих сами ненавидим. Они на всю башку больные. Конченные отморозки. Им только убивать и крушить надо.

– Тем не менее никакой религиозной подоплеки в деле не обнаружено. За всем этим, как и за сектами, стоит бизнес.

– Ясно... – протянула Лючия. – Ладно, действуй. Будет что нужно – звони. У меня здесь влияние есть, если что, я и Джимми Рассела подпишу, тут мы с ним заодно будем.

Я не стала говорить, что Рассела давно подписали. Не нужно.

От Люции я поехала в кампус математиков, но безрезультатно – Роберт Зелинский на контакт не пошел. Вообще. Он то ли внимательней следил за новостями с соседних планет, то ли звериное чутье подсказало ему, что встреча со мной добром не кончится. Ладно, подумала я, еще не вечер. У меня много козырей. И занялась отработкой мелочи: узнала, где собиралась компания Князева, наведлась в тот отель. Никого из компании не застала, но управляющий отлично знал и Князева, и старшего брата Луиса Алонсо. Подтвердил, что Князева в этом году не было, но и только.

Вечером, когда я практически без сил ввалилась в свой номер, зашел Йен. Сказал, что утром ходил на лекции Макса, записал для меня, потом побывал в полиции, замотивировал знакомых на работу. В целом мало результатов – поговорил кое с кем из известных люциферян, те ответили, что Луис Алонсо давно не появлялся, а так ничем себя не зарекомендовал. Таких много.

После его ухода мне принесли конверт. С частным курьером. В конверте был чип, завернутый в письмо.

«Уважаемая мисс Берг! Лыщу себя надеждой, что первый мой подарок пришелся вам по вкусу. Посылаю следующий, на котором, в частности, осталось опрометчивое послание вашего бывшего супруга. Поступите с ним как вам будет угодно, равно как и с этим моим посланием. Надеюсь, вы не в обиде на меня, что я отказал вашему бывшему супругу. Я твердо решил уйти на пенсию. У меня есть дом, есть жена и дети, есть сбережения, которых хватит на всевозможные нужды до конца моей жизни. Желаю и вам не тратить силы на занятия, кои не стоят даже размышлений о них. Искренне ваш, Даймон».

P.S. Сегодня видел в порту небезызвестного вам Шона Ти. Удалось выяснить, что он заказал два билета – на рейс до Койона и рейс от Койона до Арканзаса. Полагаю, он нашел там работу. Я был приятно удивлен – вы оказались еще умнее, нежели я предполагал. Признаться, когда я увидел его у входа в отель, где вы остановились, то немного даже испугался. Шон Ти – прекрасный специалист, и, если бы вы решили во что бы то ни стало поставить меня перед судом, для чего заручились бы его помощью, мне пришлось бы туго. Очень жаль, но пришлось бы убить его – чтобы не убивать вас. В силу разного рода обстоятельств я не могу позволить себе такой роскоши, как судебный процесс и честное отбытие пожизненного срока в федеральной тюрьме. Берегите себя, за вами слежу не только я. Даймон».

Разумеется, сразу после этого я позвонила Мелви Сатис. Я просила ее разузнать про Даймона, но Мелви нечем было меня порадовать:

– Мать, дохлый номер, – честно сказала Мелви. – Он засекречен по самое не балуйся. Я даже не смогла узнать, сколько точно ему лет, не говоря о звании или роде войск. То, что у него в официальном досье, публичном, действительности не соответствует никак, там, по-моему, только генная карта – его, и то оставили по медицинским соображениям. Двадцать два года назад он проходил у нас переобучение. По офицерской программе.

– Обучение специальное?

– Нет, общая тактическая программа. Фактически то же самое, что у нас, но без первого курса и со сниженной физнагрузкой.

– Странно.

– В жизни и не такое бывает, – заверила Мелви. – Да вот еще Кид обмолвился, что Даймон вроде бы исходно был из инженерных войск. Кид его помнит и сказал, что думал, будто Даймона готовят на глубокое внедрение в Эльдорадо. Он чисто внешне подходящего типажа – чернявый, кожа оливковая. Но в Эльдорадо он если и был, то разово и кратковременно.

– Спасибо, – кисло протянула я.

– Не за что. Привет боссу.

Чернявый, кожа оливковая, рыжий, веснушчатый, с лошадиным лицом, толстый, одышливый, седой и потный. М-да. Бывает.

Полчаса я размышляла, что же удалось узнать. Если Даймон засекречен до сих пор, то он, как у нас говорят, все еще не снят с баланса. То бишь его в любой момент могут вернуть на действительную службу. Если генную карту оставили подлинную, значит, у него было как минимум одно тяжелое ранение, которое не удалось залечить полностью. Подорвался на собственной бомбе, что ли?

Если его готовили конкретно на Эльдорадо, но туда не забросили, то возможен еще один вариант: его внедрили в диссидентское подполье у нас. Могло быть еще хуже. Ему могли поручить устранение наших предателей и лидеров восставших колоний. Тогда его до смерти не рассекретят. Еще бы, тогда придется рассекречивать, что наше правительство время от времени убирает изменников без суда и следствия. Я понимаю мотивы правительства, но обыватель не поймет точно...

А потом позвонила Она.

Разумеется, я знала ее имя. Она считалась первой красавицей гарнизона. Вышагивала павой, взгляд с поволокой, губы всегда чуть рассеянно-распутно улыбаются. Муж серенький, с

нее ростом, суетливый. Зато был. Двое детей. Диалектные словечки в речи, Она была из колонии четвертого радиуса. Почему-то мне врезался в память ее пламенный спич на рождественском ужине в столовой для офицеров. Выговаривая слова округло и с растяжкой, Она обличала городские пороки. Она горделиво поглядывала на товарок и их мужей, на меня почему-то с брезгливой снисходительностью. Я ведь «с Земли», понятия не имею о моральных ценностях. А я знала, что Она спит с комендантом и что ее муж вписан в схему местного казнокрадства. Но если бы я и осадил ее – осудили бы меня. Подумаешь, с комендантом спала! Это начальство, не считается. Без начальства отпуск в хорошее время не получишь, мужа по службе не продвинешь, так и будет вечным лейтенантом с седой бородой. Детям рекомендацию в колледж не выправишь, дом в болоте получишь. И муж ворует помаленьку – что такого? Все воруют, на зарплату не проживешь. Потому что там подарочек сделай, тут взятку дай, вот и разлетается твое хваленое федеральное жалованье, а кушать на что? Надо крутиться. Все такие. А раз все – это прилично. Непристойно быть не такой, как все.

Я все поняла, едва увидела ее лицо на мониторе. Растрепанная, зареванная, губы бесформенные, голос уже хриплый от отчаяния, боли и ужаса. Тогда я приказала себе забыть ее имя. Детская такая психологическая защита: пока ты не знаешь имени, для тебя это только тело. Имя есть – и тело выделилось из окружающей среды, стало человеком. Тело убить легче, чем человека. К смерти эту женщину приговорил не ты – но ты будешь палачом. Тебя к этому тоже приговорили.

Правила игры, могла бы сказать я. Но я молчала. Не имею дурацкой привычки говорить сама с собой или с окружающими предметами вслух. Я просто включила запись разговора.

Она сидела на полу в гостиной своего коттеджа. На коленях, руки связаны за спиной. Рядом муж в такой же позиции. Оба в форме. И – шесть человек в ночных диверсионных комбезах. Плотная черная ткань обтягивает все тело, включая голову. Разрезы на лице – для глаз, носа, рта. Дешевая версия, к слову. Настоящая диверсионка – это без пяти минут скафандр, только тонкий. Почему в ночных-то? Судя по тому, что жертвы в форме, там день. И детей нет дома... слава богу, детей нет дома, ну правильно, они же в интернате, в городе...

Потом их убили. Обоих. Я впервые видела, как людей убивают электрической пилой. И зачитали мне ультиматум: если я не откажусь от всех планов мести Энстону, следующей будет моя семья.

Я внимательно смотрела на мужчин в черном. Вы, ребята, можете сколько угодно прятать лица – лучше бы прятали руки и ноги. Или стояли неподвижно. Со мной говорил Джон Сэлдон. Надо же, из лизоблюдов в каратели переквалифицировался.

Меня ничего не связывало с жертвами. Мы не дружили. Странно, что Энстон решил убить именно эту семью. Та женщина кричала, что виновата я. Она до самой казни, пока пила не коснулась ее тела, проклинала меня.

В сущности, я ничего не могла сделать. Я не могла даже утверждать, что эти люди были живы в тот момент, когда я ответила на вызов с незнакомого канала. Мне могли прислать запись. А главное, я не понимала, чего от меня хотят. Макс, что ли, отчебучил номер? Я ж ему сказала, что, пока не решен вопрос с Энстоном, даже думать о повторном венчании не буду. А потом еще и к черту его послала. Макс, конечно, все это семечки. И не так ругались. И сценарий давно отработан: Макса посылают, Макс уходит, проворачивает немыслимую аферу в немыслимые сроки, возвращается довольный – с цветами, шампанским и отчетом о проделанной работе.

Проблема в том, что остановить Макса можно только пулей. Слов он не услышит. Кстати, правильно сделает. Потому что преступник всегда угрожает. Он говорит тебе: не сопротивляйся, убью. И ты веришь, выполняешь все его требования, он уходит безнаказанным. И приходит еще куда-то. А чего бы не прийти, раз все получается? А если ты откажешься подчиниться – тогда рано или поздно звучит выстрел, и кто-то умирает. И вся толпа трусов кидается

на тебя – потому что убили из-за тебя. Из-за того, что все сдались, а ты нет. И даже если ты потом убьешь преступника, возненавидят все равно тебя. Вот если бы ты не полез, человек остался бы жив... Конечно, легко геройствовать, не тебя же убили. Нельзя, говорят они, поддерживать закон ценой человеческой жизни. Она священна.

Поэтому там, где ценят жизнь превыше всего, правят бал преступники.

Я могла бы многое напомнить. Могла бы напомнить про гарнизонную круговую поруку. Про то, как все замалчивали преступления командующего. И Она тоже. Эту ситуацию создала не я, а все те приличные женщины и мужчины, подленькие, трусливенькие, которые лицемерили и лгали. Они все – не жертвы, а соучастники. Добровольные. И всех новеньких втягивали в порочный круг, кого обманом, кого силой. Все такие, говорили они, и вы должны быть такими же. Когда никто не выделяется, не так обидно.

Я знала, что забуду их крики. И брызги крови, ключья во все стороны. Все забуду. Разведчик должен уметь не только помнить, но и забывать. Есть методики. Забуду прочно. А пока я сидела и бесстрастно смотрела. Подонки желали убедиться, что я испугалась. Перебьются.

Когда сеанс связи закончился, я прикинула, что могу сделать. Послать это в полицию? А с какими, простите, комментариями? Теоретически ни с какими. Дескать, какие-то подонки убивают моих бывших сослуживцев. И как я должна объяснять, что у меня в досье – ни слова про службу в армии? Нет, полиция отпадает. Тем более что, если я хочу успеть спасти хоть кого-то, посылать надо в местную полицию. А у нее нет допуска на территорию базы. Военная полиция? Она под Энстоном. Федералы? Эти, во-первых, долетят только через месяц, а во-вторых, наш неуважаемый военный министр не даст им войти на базу. Он же лучший друг Энстона. Остаются военная контрразведка и личные каналы.

...Уснуть я не смогла. Строго говоря, даже и не пыталась. Я несколько раз прогнала запись ультиматума, убедилась, что это не монтаж. Энстон, похоже, думал, что объяснять мне ничего не нужно, я сама все знаю. Сейчас ему доложат, что убеждению я не поддаюсь, и он перейдет к другим методам. Самое простое – послать убийцу. Нанять кого-то, кто территориально находится поблизости, – пустяк, у него не только в четвертом округе все куплено. Лучше бы мне подготовиться к визиту.

У меня никогда не было много оружия. Два пистолета, шокер и нож. Один пистолет гражданский, маленький и плоский, чтобы хорошо помещался в сумочку. Да, пулька легонькая, заряд слабенький. А мне хватает. Ввязываться в перестрелку на пятидесяти метрах с пистолетом довольно глупо, а с десяти я попаду в глаз даже плевком. Второй пистолет, большой, стандартной армейской модели, преимущественно лежал в сейфе у Августа, и брала я его раз в год, и то по настоянию босса. Носить его можно было только в наплечной кобуре, и лучше бы под толстой курткой, иначе вид у меня становился загадочный, типа «сиськи набок». У Августа-то был не ствол, а форменное стенобитное орудие. Опять же, не из любви к «главному калибру», а потому, что именно этот пистолет оказался удобнее других под его руки. Августу не надо было решать проблему «как засунуть эту дуру в эту маленькую сумочку», потому что он носил квадратные пальто, плащи и длинные пиджаки. И кобура с железкой весом в полтора килограмма не напрягала его нисколько. Шокер – шокер у меня был очень дорогой и качественный, да. А вот нож я предпочитала маленький, с коротким, но очень прочным клинком, складной.

На Эвересте практически везде – разоруженная зона. Кампусы ведь. Меня при въезде предупредили, что в отеле хранить и носить оружие можно, но в ста метрах от входа начинается зона, где огнестрел под запретом. Шокер можно. Нож можно только бытовой. Ну, как у меня – клинок три дюйма.

Я взяла с собой маленький пистолет, запасной магазин, шокер и нож. С таким арсеналом долго не продержаться. Выполнила разогревающую гимнастику. Рукопашка – это, конечно, не оружие, когда тебя убивать пришли, но может пригодиться. Я осмотрела окна, передвинула мебель. В коридоре послышался шум, и я мигом оказалась у двери, распластавшись по стене,

с пистолетом. Какие-то поддатые балбесы пытались куда-то пройти, но наткнулись на дедушку из номера напротив. Дедушка надтреснутым голосом урезонивал хулиганов, грозил вызвать полицию. Потом я услышала голос Йена, разбуженного этой ссорой. Вскоре стало тихо.

К утру мне прислали еще три ролика. Таких же. Убито еще три семьи... последняя – вместе с детьми. Это уже какой-то бред. Перебор даже для Фронттира. Энстон сошел с ума.

Я не выходила из номера весь день. Старалась отвлечься работой. Уточняла показания Шона Ти. Поколебавшись, позвонила Крюгеру и сдала ему адрес Гранта, который у нас числился среди разыскиваемых, в обмен на информацию о нынешних кораблях Бейкера. Да, большой и маленький. Сейчас в рейсе. Повезли овощи на Эверест, оттуда пошли на Альпин за промышленным грузом для Кангу, с Кангу порожняком на Эверест, тут берут холодильные установки для Таниры. Как я посчитала, на все про все с максимальными задержками – две недели. Корабли ушли в рейс пятнадцатого сентября и до сих пор не вернулись. Они были на Эвересте, но на Альпин не пришли. Однако Бейкер не подавал заявления о пропаже.

Двумя часами позже Крюгер отзвонился и сказал, что дом обнаружил, он пустой, люди по нему работают. Уже откопали четыре женских трупа в саду.

Господи, сколько же трупов.

Днем заглянул Йен. Переменился в лице, увидев меня.

– Плохо выгляжу? – равнодушно уточнила я.

– Не хочу быть бестактным, но да. Ты как будто неделю не спала.

Тут Йен заметил пистолет на столе.

– Делла, что случилось?

– Тебя это не касается.

– Делла?

– Йен, это не банда. И... уходи. Услышишь шум – не высовывайся. Это моя война.

Не хочу отвечать еще и за твой труп, подумала я, но не сказала.

– И передай Нине мои извинения. Я не смогу пойти на концерт.

Йен погрузился, но спорить не решился. Ушел.

А я осталась. Подготовила все, чтобы никто не усомнился в причине моей насильственной смерти. Упаковала все ролики, присланные с базы «Антуан», так, чтобы в момент гибели они отправились к Августу. Написала ему очередной отчет, про корабли Бейкера. Ответа не было.

Я помнила, что он просил звонить голосом. Я не могла. Боялась, что разревусь, у меня начнется истерика и я смогу выговорить только одно: «Забери меня отсюда как можно быстрее!» Я ж потом в глаза ему смотреть не смогу.

Когда пришел Макс, я даже обрадовалась.

* * *

Он очень деликатно попросил разрешения войти. Я сунула в карман конверт от Даймона и открыла дверь. Макс явился с цветами и большой коробкой.

– Я думала, ты на концерте.

– Нет, – печально ответил Макс, – я подумал, что ты пойдешь, а тебе, наверное, не хочется меня видеть. Потом я позвонил Йену, убедиться, что все в порядке, он сказал, что ты одна и грустишь.

– Так и сказал?

– Да. Я решил, что праздник надо отмечать вдвоем, и пришел.

Он раскрыл коробку, вынул конфеты, какие-то экзотические фрукты, шампанское. Отыскал вазу и поставил в нее цветы. Присматривая самое выгодное место для цветов, обратил внимание на столик. И застыл.

Разумеется, пистолет я не убирала.

– Все так плохо? – уточнил Макс. – Ты настолько меня боишься, что держишь ствол под рукой?

– Не ты один можешь зайти, – ответила я бесстрастно. – Пожалуйста, сядь так, чтобы не загораживать мне дверь.

Макс очень осторожно поставил вазу. Потом выпрямился, оглядел номер. Прошелся, бесшумно, по-волчьи ставя ногу. Потом подвинул свободное кресло так, чтобы видеть одновременно входную и балконную двери. Принес из кухни бокалы, сел. Выложил на стол свой любимый абордажный пистолет-пулемет, дослал патрон. И принялся откупоривать шампанское.

Я вернулась к пасьянсу.

Макс разлил вино по бокалам, один протянул мне.

– Я не буду.

– Почему?

Я промолчала.

– Делла, – очень уважительно, очень сочувственно сказал Макс. – Я не знаю, кого ты ждешь. Но кто бы ни попытался вломиться сюда без спросу – стрелять буду я. И очередями. Я физически не могу напиться так, чтобы из автоматического оружия не попасть в дверь с шести метров. А при моем калибре не имеет значения, в какой именно участок дверного проема я попаду, потому что вылетит все, включая эту с виду крепкую стену. Так что пей смело. У тебя уставший вид, если тебя сморит сон, я покараулю.

Нельзя сказать, что в его словах не было резона. Собственно говоря, он был абсолютно прав. В том, что касалось конкретно боевых действий, Макс всегда был прав. Я поколебалась и взяла бокал.

– С праздником, – Макс отсалютовал мне.

Я не понимала, о каком празднике речь. На Танире взяли банду? Может быть, я не смотрела новости. Я вообще не отвлекалась. И свела к минимуму звуковую нагрузку – чтобы слышать, если дверь в номер будут вскрывать электронной отмычкой.

Пригубила. Отставила. Макс испытующе смотрел на меня.

– И что ты подсыпал в это шампанское? – осведомилась я. – Глядишь так, как будто ждешь эффекта.

– Ничего. Просто удивлен. Ведешь себя странно.

– А по-моему, вполне адекватно. Ты говорил, что знаешь Джиллиан Фергюсон.

Макс сильно удивился:

– Ну, знаю. – Помолчал, ожидая моей реакции, не дождался и принялся рассказывать: – Охотница за богатыми мужьями. В обществе очень любят ее мать, поэтому и дочку принимают. Семья разорилась почти в ноль, остались только связи. Но это не помешало Джил четыре раза блестяще выйти замуж. Первый муж у нее умер, со вторым и третьим она развелась на своих условиях. Фактически она разорила их. Пощады от Джил не жди. Насчет четвертого ничего не знаю, может, и живут пока. Но, судя по тому, что на свадьбе Ирэн Маккинби она была без кавалера, – ищет новенького.

Меня чуть не передернуло. Уже нашла.

– В общем, пора бы, она с последним мужем в браке уже лет восемь, причем вместе они жили только год, потом он платил ей содержание, но жил отдельно. Сама по себе Джил довольно интересная женщина. Прекрасно образованная, хитрая, отлично распоряжается деньгами. У меня было с ней... – Макс замаялся. – Не знаю даже, как назвать. Не роман, а так, история. Между ее третьим и четвертым мужьями. Еще до того, как мы с тобой поженились. По-моему, я был единственным, кто сумел ее бросить. Нас познакомили у Гамильтонов, Джил посмотрела мне в глаза. Меня поразило, как много она обо мне знает и как хорошо понимает. Буквально с полуслова. Я о ней не знал ничего, а она говорила только обо мне. Через

час я за руку вытащил ее с той вечеринки, сунул в машину и привез к себе, потому что больше терпеть не мог. Любовница – феерическая. Такого секса у меня даже во сне не было. Проблема в том, что осталось ощущение игры в одни ворота. Это понимание, которое она демонстрировала, было лицемерным. Она навела обо мне справки и первые дни говорила лишь то, что я хотел слышать. Через два месяца я чувствовал себя выжатым и выглядел точно так же. При этом я никак не мог поверить, что меня обманули, что Джил мною пользуется, но не любит ни капельки, ей нужен брачный контракт, а любит она только деньги. Я уже знал, знал наверняка, что она именно такая, но не хотел верить. Потом как-то собрался с силами и уехал. Она пару недель доставала меня звонками, письмами, угрозами покончить с собой – я не реагировал. Через месяц мне сказали, что она вышла замуж. Я успокоился. Как раз через год я встретил тебя... Потом я как-то столкнулся с Джил. Ты еще училась. И опять у меня две недели просто выпали из жизни. Очнулся – как с лютого похмелья. На душе было настолько скверно, что я в зеркало смотреть не мог. С тех пор я зарекся появляться там, где Джил. Ты, кстати, на нее похожа.

– Ну спасибо.

– В том смысле, в каком свет похож на тьму – и то и другое слепит. Когда мы с тобой познакомились, я в первую секунду даже испугался – потому что ты точно такая же. То же самое ощущение абсолютного понимания. Вот только у тебя это настоящее. На что хочешь могу спорить, что мы с тобой действительно друг друга понимаем.

– Ты меня – нет.

– Понимаю. Но... Делла, одно дело – знать рассудком, другое – сердцем. Я не могу поверить, у меня в голове не укладывается, что ты не любишь меня. Как же так, ведь любовь была, точно была...

Я оживилась и с интересом уставилась на него. Кающийся Макс – зрелище, которое стоит потраченного времени. Он винился так артистично, так вдохновенно, что глаз отвести нельзя было. И пусть я знала, что это сиюминутный порыв, что ни хрена ни в чем Макс не раскаивается, пусть я видела этот спектакль уже раз двадцать – он все равно пробирал до глубины души.

– ...я понимаю, что сам все испортил. Своими руками. Послушай, Дел, я отлично все про себя знаю и никаких иллюзий не питаю. Я испорченный мальчишка, который никогда ничем не дорожил. Я презирал этот мир за то, что мне в нем было нечего любить. И тогда появилась ты. Те месяцы, которые мы были вместе, – это единственное время, когда я был счастлив. И я отлично понимал, какое ты сокровище. Знал, что я не заслуживаю тебя. Мне просто повезло, случайно повезло. Но теперь я живу в страхе, что потеряю тебя. Да, по собственной глупости. Но, ты думаешь, осознание своих ошибок помогает что-то исправить? Нет. Это осознание порождает лишь злость и желание любой ценой сделать все как прежде. Как в то время, когда мне не было страшно, что я потеряю тебя. Да, рассудок говорит, что я уже потерял тебя, давно потерял, то ли в армии, то ли еще раньше. Но я не могу с этим смириться. Я как утопающий, который свалился в воду посреди океана, он знает, что не доплывет, но все гребет, выдыхается из сил, но старается держаться на плаву. Я хватаюсь за каждую соломинку. Я надеюсь. Кажется, я перестану надеяться, только когда умру. Я просто не могу, не способен поверить, что все уже в прошлом, оно никогда не вернется, мне надо привыкать к новой жизни, которая мне не нужна, в которой не будет ни одного проблеска света. Два года я не видел тебя – и все два года прошли как в тумане. А потом мы встретились, и я проснулся. Ты такая же. У тебя тот же взгляд, та же улыбка. Я не чувствую равнодушия. Поэтому и не могу поверить, что ты больше не любишь меня. Как же так, ведь мы по-прежнему понимаем друг друга с полуслова, мы по-прежнему родные, близкие люди. Разве так бывает, когда любви уже нет? Разумом я знаю – бывает. А сердцем понять не могу. И чем чаще я вижу тебя, тем сильнее боюсь – вот, сейчас у тебя появятся другие интересы, для меня снова не останется места в твоей жизни. И я, наверное, грубо, наверное, бестактно – но я просто пытаюсь закрепить. Хоть одним пальцем.

Чтобы иметь хоть какую-то уверенность, что увижу тебя завтра, послезавтра, ты не исчезнешь навсегда. Что завтра, через неделю я снова получу подушкой по голове, потому что ты легла спать, а тут я со своей любовью, вот только меня тебе и не хватало, когда все мысли – упасть и чтобы никто не теребил...

Я не выдержала и рассмеялась. Макс понял, что прощен. Подался вперед, осторожно взял меня за руку.

– Делла...

– Макс, убирайся, – сказала я с улыбкой. – Ну вот честное слово, мне сейчас не нужен ни один человек в этом номере.

– Я никуда не пойду, – проникновенно сказал Макс. – Потому что я не слепой. У тебя уставший вид и пистолет под рукой. Ты работаешь по опасной банде. Я дурак, но два с двумя сложить умею. Ты ждешь очередного покушения. Так вот, если ты меня выгонишь, я сяду в коридоре под твоей дверью. И буду сторожить. Оттуда ты выгнать меня не сможешь. Но было бы лучше, если бы ты пошла спать, а я бы покараулил здесь.

– Макс...

– Дел, если тебя убьют, мне жить незачем, – откровенно сказал Макс. – На этом фоне вероятность, что меня самого ранят или грохнут, совершенно не пугает.

Я тяжело вздохнула.

– Макс, это моя война.

Ну да, черта с два его этим проймешь. Это Йена можно попросить уйти – и пойдет. Макс только плотнее усядется и будет ждать, когда его введут в курс последних событий. В крайнем случае – когда ему поставят конкретную задачу. И попробуй только не дать ему задачу – он сам найдет. Это, ребята, принц. Человек, на генетическом уровне абсолютно уверенный в правильности каждого своего шага. И в том, само собой, что его присутствие уместно всегда и везде. Хуже Макса в этом отношении только Август. Август в подобных обстоятельствах способен выгнать тебя – но не себя.

Макс подошел, отодвинул столик с картами, присел передо мной на корточки. Потом качнулся вперед, опершись коленями об пол. Положил голову мне на ноги и трогательно вздохнул:

– Дел, я люблю тебя. Это факт. Ты никак не можешь повлиять на него. Ты можешь быть сколько угодно недовольна, что солнце встает, а Эверест замерзает, например. Но изменить это ты не можешь. Так и моя любовь. Ну да, такое вот я стихийное бедствие, хрен от меня избавишься...

– Про бедствие – очень точно подмечено. Сиж и думаю – за что мне оно?

– За то, что самая лучшая. Лучшим всегда поручают сложные задачи. Например, перевоспитать меня.

Моя рука совершенно произвольным жестом опустилась на его затылок, пальцы залезли в кудри. Красивые, блестящие, черные кудри. Макс, не поднимая головы, обнял меня.

– Я не собираюсь запира́ть тебя дома. Да что я, садист, по-твоему... Пойми, я действительно боюсь за тебя. С этими покушениями... сколько их было, два уже? Дел, с меня хватило твоей армии. Ты уходила за кордон, а я сходил с ума. Я думал, что сейчас у тебя спокойная работа, но когда я увидел ее своими глазами...

– Обычно она не просто спокойная, а почти скучная.

– Но риск остается.

– Риск остается у всех. И всегда. Вон, Грета Шульц – первая жертва. У нее в жизни вообще никакого риска быть не могло. И нате вам, убита. Кстати, про остальных хотя бы понятно, за что их убили. Но за что ее – мы уже головы сломали.

– Поэтому, если уж мне не удалось отговорить тебя от риска, я останусь с тобой. И буду охранять. Я не оставляю тебя, не надейся. Когда мы венчались, я клялся быть с тобой в радости

и в горе. Для меня это не пустые слова. Ты можешь сказать, что мы разведены... но никто не освобождал меня от клятв, данных добровольно. Я не отказываюсь от своих слов.

Я молчала. Такой большой, теплый... В чем-то Макс был прав: ощущение общности, целостности у нас всегда было потрясающее. Чуть ли не с первой минуты знакомства. Я всегда знала, что Макс – мой. Совершенно мой, полностью. Мы действительно были частью друг друга.

Чип тихонько пискнул, я вскинулась, даже сердце забилося. И тут же сникла: нет, не Август. Эмбер. Я подумала – и не стала отвечать на вызов, послав в канал «извинительную» визитку, мол, не могу говорить сейчас, непременно перезвоню позже.

Эмбер... да, с ней я тоже поступила нехорошо. Завезла на Кангу и бросила там.

– Бросила? – удивился Макс, которому я пожаловалась на свой эгоизм. – Дел, она там счастлива. Она наконец-то избавилась от тотального контроля своей матушки. Эмбер звонила мне вчера, у нее все хорошо, и больше всего она не хочет уезжать. Матушка в жизни не позволила бы ей гладить диких зверей – это же негигиенично, опасно, они укусят могут. Стрелять не позволила бы, ездить верхом, одевшись в камуфляж, – это не для девушки из приличной семьи...

– Как ты думаешь, у нее с Августом что-нибудь получится? – спросила я, усилием воли прогнав воспоминание: девушка-гадюка подлащивается к Августу.

– Что? – Макс даже выпрямился. – Ты о чем?

– Не знаю, мне казалось, они нравятся друг другу.

– Пф, – сказал Макс уверенно, встал и потянулся за шампанским. – Выброси из головы. Маккинби никогда на ней не женится. По той же самой причине, по которой не женился я.

Я почувствовала себя почти оскорбленной.

– Что, родом не вышла?

– Ну шаз. На тебе-то я женился, хотя ты по роду еще ниже. Нет, с происхождением у Эмбер все в порядке. Мелроузы – младшая ветвь Гамильтонов, примерно того же уровня, что Торны, Люкассены, Рублевы. В принципе она нашего круга. Честно говоря, она настолько не похожа на тебя, но при этом такая естественная, что я в какой-то момент думал – ты меня отвергла, а вот девушка, с которой я если и не буду счастлив, то, по крайней мере, не буду и несчастен. С ней можно дружить. Она умница, хорошенькая, очень добрая. Но оказалось, что с мужчинами ей хочется только дружить. Для всего остального Эмбер предпочитает женщин.

Я онемела.

– Да, – понимающе ухмыльнулся Макс, – а ты думала, почему ее мама контролирует так плотно? Дочку надо замуж выдавать, да подороже, а у девочки глупости всякие на уме. Вот если ей не разрешать, глядишь, и отвыкнет.

Я потрясенно качала головой.

– Макс, но она так восхищалась Августом...

– И поверь – искренне восхищалась. Она и мне рассказывала. А он как раз тот типаж, с которым ей нравится дружить. Стопроцентное попадание. Но влюблена она не в него, а в тебя.

Я наконец опомнилась.

– Черт, Макс, зачем ты мне это сказал? Выдал девичью тайну...

– Она сама попросила. Она робеет, потому что тут же мало в любви объясниться. И попросила меня как-нибудь деликатно выяснить, что ты думаешь. Потому что она хотела бы большего от ваших отношений. Ей показалось, что ты совершенно разочаровалась в мужчинах, но нельзя же допускать, чтобы ты разочаровывалась в любви.

– И ты согласился сказать все это мне?! – я уставилась на него с недоверием.

– Конечно. Я же знал, что ты ответишь. – Макс подал мне бокал. – Кстати, Эмбер я предупредил. Я все-таки хорошо тебя знаю. В этом смысле ты плохой разведчик.

Я фыркнула.

– А вообще я не боюсь тех, кто по тебе вздыхает. У меня только один реальный конкурент. Зато, блин, качественный.

Я с подчеркнутым удивлением вскинула брови.

– Маккинби, – пояснил Макс. – Единственный человек, которого я опасаясь. Не боюсь, нет, но опасаясь. Главное, никогда нельзя сказать наверняка, что у него на уме. И какой номер он выкинет в следующую секунду. Непредсказуемый.

– Макс, я в школе была влюблена в Карла Второго. Стюарта, если что. Английского короля. Правил в семнадцатом веке. Ты не хочешь и его записать в реальные конкуренты?

– Он давно помер.

– Какие мелочи, право слово. Смерть любви не помеха. Так вот, Макс: у тебя больше поводов для ревности к Карлу Второму, чем к Августу. Я только его ассистент. И то у меня через восемь дней истекает контракт.

– И что? – Макс обрадовался. – Какие планы на будущее?

– Ни-ка-ких, – отчеканила я. – Потому что Август двое суток не отвечает на мои сообщения. Вообще.

– Так ему не до почты, – убежденно сказал Макс. – Ты чего, у него сейчас ни секунды свободной нет. Сама подумай...

– Я и подумала. Я все отлично понимаю. Но если он за своими офигенно важными личными делами забудет продлить мой контракт... А если верить твоим словам про Джиллиан Фергюсон, то он забудет.

Макс растерялся.

– Джил? А при чем здесь Джил?

– При том, что Август съездил на свадьбу своей сестры, познакомился там с этой вашей серийной чаровницей. Я видела фото, она от него не отходила. Не успел вернуться, тут же выпроводил меня на Эверест, а сам рванул обратно на Землю. Мне сказал, что по неотложному личному делу.

Макс хмурился и моргал.

– Дел, ты новости смотрела?

– Нет.

– Понятно. Нет, если он спутался с Джил, то я ему не завидую. Но вообще-то он на Земле по другому поводу. Собственно, поэтому я и пришел тебя поздравить...

Ничего больше Макс рассказать не успел, потому что в коридоре раздался истошный крик.

В следующую секунду в номере погас свет, что-то взорвалось, и вылетела дверь.

* * *

Доли мгновения, между криком и вторжением, нам хватило. Я успела схватить пистолет, а Макс – меня за ширку. Когда дверь разлетелась в пластиковую труху, Макс перебросил меня через спинку кресла, а сам одним прыжком махнул через полгостиной, оказавшись у стены.

Стреляла я, ориентируясь по запаху.

По орочьей вони.

Их было минимум четверо. Огромные, я таких крупных еще не видела. Тут я и пожалела, что оставила дома большой пистолет: мой калибр этим как медведю дробина. Впрочем, учитывая оружейное законодательство Эвереста, мне пришлось бы везти большой пистолет нелегально.

Макс ударил очередь, послышалось рычание, ответная пальба. Выстрелы мигом переместились в коридор, где тоже была крошечная тьма. Я с двух попаданий все-таки свалила одного орка – повезло – и откатилась в угол. Толку-то... орки в темноте видят превос-

ходно. На меня напали сразу двое, взяли в коробочку. Можно быть сколько угодно лучшей на своем курсе, но против орка у человека почти нет шансов. Особенно у женщины. Орки выше на метр и вдвое тяжелее среднего мужчины. А еще у них чертовски длинные руки. Если у орка оппозитные пальцы не удалены и не атрофировались – такое встречается примерно у каждого десятого, – то он без проблем схватит тебя ногой. А потом перегрызет тебе горло.

Патроны кончились. Я схватилась за шокер и нож. Максимальная мощность... один из тех, кто зажал меня, выпал из реальности, зато второй легко вывернул мне руку с шокером. У меня оставалась еще одна рука, с ножом, жаль, коротким, но я полоснула его, все равно полоснула поперек туловища, как можно ниже, стараясь распороть брюхо – там много нервных окончаний, будет болевой шок. Проклятье, орк был в плотных штанах. Огромная лапа схватила меня сзади за шею, и я поняла – даже «Отче наш» прочитать не успею, все кончено.

Сверху хлынула кровь. Потом я упала, и меня накрыло вонючей орочьей тушей.

Тишина.

– Жива? – спросил Макс.

Я прохрипела что-то в том смысле, что по крайней мере не мертва.

Замигал и включился свет.

Я лежала в луже крови, и она все еще хлестала. Макс вытащил меня из-под орка, я обернулась – у того практически не было головы.

– Лучший мой выстрел, – хладнокровно сказал Макс.

– Спасибо, – ответила я. – Офигеть, как ты еще увидел, куда стрелять.

– Не видел, – согласился Макс. – У меня оставался один патрон. Я просто взял ориентировочно на два с половиной метра от пола, чтобы точно не задеть тебя. А наводился по звуку.

Я кивнула.

– Кто кричал?

– Дед из номера напротив. Любопытный старикан. Я когда шел к тебе, он выглянул, осмотрел меня с подозрением и снова заперся.

– Он вчера ночью тоже кого-то шуганул...

– Шуганул, – хмыкнул Макс. – Этих было пятеро плюс с ними человек. Человек и один из орков – с огнестрелом. Ушел только человек. Двоих положила ты, двоих я. А дедок шустро так подстрелил вооруженного орка и ранил человека. Потом сказал, что ему худо, он пойдет к себе полежит, до приезда полиции.

– Ты уже сообщил?..

– Нет еще.

Я критически осмотрела поле боя. Все пятеро орков – явно горные, два черных, трое бурых, отлично подходящих под описание Шона Ти. Все «голые», даже тот, что был с пушкой. Дикари, брр. Ладно, нечего время терять... Я вызвала копов.

Макс брезгливо оглядел себя, уставился на меня – и расхохотался.

– Мне идут ошметки орочьих мозгов в прическе? – осведомилась я.

– Еще как, – заверил Макс.

Как ни странно, в ходе потасовки разбились наши бокалы и ваза с цветами, но уцелела бутылка. А что ей сделается? Открыл, налил, снова закрыл – и хоть кидай ее, она ж не стеклянная, не разобьется. Макс деловито пристроил цветы в другую посудину, принес чистые бокалы и налил до краев. Я с удовольствием выпила. Сейчас уже бояться нечего: копы приедут с минуты на минуту. Даже если Энстон пришлет убийцу, тот не сунется – слишком легко засветится.

– Надо бы проверить старикана, – сказала я. – А то кто его знает. Помрет еще с такого перепугу.

– Не заметил я, чтоб он испугался, – возразил Макс. – Действовал очень четко. Не ходи. Сейчас полиция приедет, вот она пусть и проверяет, как его здоровье. Ты Йену позвонить не хочешь?

– Незачем. У нас, между прочим, параллельное расследование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.